

ДЕЛО

ДЕЛО О ЛАЗОРЕВОМ ПИСЬМЕ

Юлия Латынина

Вейская империя

Юлия Латынина

Дело о лазоревом письме

«ЭКСМО»

1999

Латынина Ю. Л.

Дело о лазоревом письме / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
1999 — (Вейская империя)

ISBN 978-5-17-058014-9

Когда капризы молодого государя ставят страну на край пропасти, когда доносы становятся законами и законы – доносами, когда заморские торговцы уже считают прибыли от раздела империи, а хищных завоевателей убажают в столице, как друзей нового фаворита, – тогда оказывается, что искусно сплетенной интригой можно добиться большего, чем честным законом, и что нет ничего, что было бы не зазорно сделать во имя государства.

ISBN 978-5-17-058014-9

© Латынина Ю. Л., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Часть первая	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	20
Глава третья,	29
Глава четвертая,	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юлия Леонидовна Латынина

Дело о лазоревом письме

Часть первая Сирота

**Глава первая,
*в которой рассказывается об удивительной находке
уличного мальчишки, а также о том, как господин
Нарай, войдя в сердце молодого государя, стал
очищать страну Великого Света от скопившейся в
стране грязи, от зла и несправедливости, зависти
и обиды и причины их – частной собственности***

Позади главной городской управы, между каменной потрескавшейся стеной и каналом, стоит памятник государю Иршахчану. Возле памятника день и ночь горят четыре светильника, защищенных от дождя стеклянными капюшонами, а перед государем стоит миска с кислым молоком.

В полночь, с которой мы начинаем свое повествование, в третье тысячелетие царствование государя Иршахчана и в первый год правления государя Варназда, у подножия памятника появился мальчишка по имени Шаваш. Шаваш постучал по постаменту, чтобы привлечь внимание бога, оглянулся, отцепил от пояса крючок, сделал из волоса леску и закинул леску в канал.

Тем проницательным читателям, которые удивятся, что Шаваш вздумал ловить ночью рыбу, мы должны пояснить, что дело было накануне праздника Пяти Желтоперок. В этот праздник царствующий государь берет пять рыб-желтоперок и, скормив им золотое кольцо, пускает при народе в Западную Реку.

Обычная желтоперка живет семь лет, а та, которой государь скормил кольцо, живет две тысячи, так что сейчас в реках империи вполне могут плавать желтоперки, выпущенные еще государем Иршахчаном. В полночь накануне праздника Пяти Желтоперок все эти рыбы собираются у подножия статуи государя Иршахчана и обмениваются сведениями о поведении народа. Пойманная в это время желтоперка исполняет любое желание.

Из этого следует, что Шаваш поступал не так глупо, удя ночью рыбу. Пробили полночь, взвизгнул забежавший в предместье шакал, – Шаваш сидел, сжавшись в комочек, и глядел на лунную дорожку и леску. Леска не двигалась.

Шаваш понял, что сегодня ему не удастся поймать священную рыбку. Он вздохнул, свернул леску, зацепил за пояс крючок и пошел домой.

Жил Шаваш совсем неподалеку от государя. Напротив памятника стоял дуб, а в дубе было дупло. Шаваш выжил из этого дупла священную белку и устроил в нем нору. Это была очень хорошая нора. У нее было два выхода, – один к каналу, между спускавшимися к воде корнями, а другой – поверх высокого сука на каменную стену, и никакой взрослый вор не позарился бы на эту дыру, потому что взрослый вор не мог там уместиться.

Людей на площади было мало, так как это было казенное место. Государь же Иршахчан ни разу не выругал Шаваша за то, что тот выжил священную белку. И то, – государь всегда заботился о сирых и убогих, не то что нынче.

Итак, Шаваш прошел по суку и уже собирался было скользнуть внутрь, как вдруг пьедестал статуи скрипнул и растворился. В государе образовался проход, а в проходе – трое человек. Они тащили за уголки тяжелый мешок.

«Эге-ге!» – подумал Шаваш.

Люди, сопя от натуги, перебежали через площадь к каналу, взошли на мост, развернули мешок...

– Ты куда запускаешь руки! – услышал Шаваш.

Что-то грузное полетело из мешка в воду. Миг, – и убийцы, топоча, снова исчезли внутри государя.

Шаваш тихо, как мышь, проскользнул к корням дерева и высунул мордочку наружу. По каналу, жутко скалясь в лунном свете, плыл покойник. На шее его, выбившись из-под узорчатого кафтана, блеснула золотая цепочка.

Убийцы, по-видимому, не ограбили его.

Шаваш неслышно скользнул в воду и снова вынул из-за пазухи крючок и волос. Когда мертвец проплывал мимо, Шаваш бросил в него крючок и пошел за покойником вдоль берега канала. Он изо всех сил старался держаться так, чтобы государь Иршахчан его не увидел.

Он еще никогда не обирал покойников, да еще перед самым носом государя. Наставник его, Свиной Глазок, говорил, что даже кошелек не стоит резать, если на шее человека висит кусочек иршахчанова камня. Одна девка срезала так кошелек и купила на деньги в кошельке петуха. Только она его зажарила и съела, как петух в животе разорался: «Меня съела воровка, меня съела воровка!»

Впереди показался мост Семи Зернышек. Под мостом Шаваш остановился и притянул покойника к себе.

Убитый был из чиновников или из людей, подозреваемых в богатстве. Было ему лет сорок. На нем были замшевые сапожки, шитые в четыре шва, и дорожный, крытый синим шелком кафтан. За расстегнутым воротником можно было разглядеть синюю полосу вокруг шеи и синяк под левым ухом. Он был толстоват и лысоват, и пухлая не по-мужски грудь его вся поросла густым черным волосом.

Шаваш сунулся под кафтан и вытащил оттуда кошелек в виде кожаной позолоченной уточки. В кошельке было десять золотых монет и множество бумажных денег.

При виде золота Шаваш восхищенно задышал. Вслед за кошельком Шаваш вытащил изящный кинжал с костяной рукоятью, и потом – золотой бубенчик для погребальной службы.

Шаваш прислушался: все было тихо. Лунный свет отражался от воды под мостом.

На пальцах чиновника были два витых перстня, на шее – золотая цепочка. Шаваш снял перстни и цепочку и стал щупать потайные места в кафтане и сапогах. Не прошло и минуты, как мальчишка взрезал подкладку левого сапога и вытащил оттуда целый ворох бумаг, завернутых в навощенную кожу. Там же лежал серебряный медальон. Шаваш раскрыл медальон: внутри был стальной ключ и серебряное кольцо с красным камушком.

Шаваш развернул сверток и вытащил оттуда пачку плотных и глянцевитых бумажек: двадцать штук. Лунный свет плясал на воде и в кошачьих глазах Шаваша, ловкие пальцы уличного мальчишки гладили прямоугольные бумажки.

Великий Вей! Если это письма, то чего они такие короткие? А если это деньги, то где же на них государев лик?

Шаваш сощурился. Вдруг, изогнувшись по-кошачьи, он сунул мертвецу обратно кинжал, бубенчик, перстни и кошелек. Подцепил какую-то плывшую мимо дощечку, завернул ее в непромокаемый сверток, а сверток – в сапог.

Документы же положил себе за пазуху, снял мертвеца с крючка и тихо пихнул его от себя.

Через пять минут мертвец выплыл из-под широкой тени моста и отправился вниз по каналу, в направлении веселых кварталов, и любой, кому бы вздумалось наблюдать за плаванием мертвеца, – даже сам государь Иршахчан – мог бы поклясться, что тот выплыл из-под моста непотревоженным.

Шаваш вернулся в свою норку, положил документы в расщелину в дереве, задернул расщелину дощечкой, свернулся клубочком и заснул. «Надо позаботиться о будущем, – подумал он, засыпая, – экое стало тесное дупло. Надо отыскать дупло попросторней.»

Шаваш жил в дереве не один. Кроме него, в дереве жил хомячок Дуня. Это был очень симпатичный хомячок, с золотистыми глазами-бусинками, серой шелковистой шерсткой и голым хвостиком. Шаваш держал Дуню в клетке, но никогда не запирал дверцу. Впрочем, он часто носил Дуню с собой. Он выпускал Дуню перед прохожим и, пока прохожий любопытствовал, глядя на Дуню, Шаваш любопытствовал в его кошельке. Шаваш очень заботился о Дуни и всегда отдавал ему лучшие из очисток, которые подбирал на улице, а худшие ел сам.

Кроме хомячка Дуни, у Шаваша никого не было: отец его давно помер, а сам Шаваш сбежал из деревни в столицу.

Сколько было Шавашу лет – сказать трудно. В деревне его годам вели тщательный счет, и год, в который Шаваш родился, называли так: «Год, когда в Синей Лошине старый Лох вздумал встать из могилы». Но в чиновничьих временных описях происшествие со старым Лохом упомянуто не было: и посему установить соответствие между крестьянским и государственным летоисчислением было трудно. Человек опытный в таких делах, гадатель или лекарь-пиявочник, дал бы мальчику одиннадцать, а то и двенадцать лет, а случайный прохожий не дал бы и девяти, – такой был тощий мальчишка.

Был Шаваш щупл, как ветка, и проворен, как ящерка, и золотые его глаза были как два голодных воробья, приметливых до всякой земной крошки, и волосы его, если бы их отмыть, тоже были бы золотистые, словно свежесрезанная ржаная солома.

* * *

На следующий день, в Час Императора, когда солнце стоит в самом зените, ярыжки огласили у красного столба объявление: В веселом квартале, в утренний час Росы, сразу за малым храмом Исиратуфы, у мельничной заборной решетки найден труп чиновника, убитого и брошенного в воду. Чиновник был ограблен полностью: срезали даже кружева с кафтана, и сапоги сперли. Приметы чиновника: лет сорока, среднего роста, в меру мясист, с круглым лицом и лысиной, глаза карие, нос вздернутый, верхняя губа как бы притиснута к носу. Одет в синий дорожный кафтан. Имеющий что-либо сообщить об убитом или убийце должен явиться к Желтой Управе и бить три раза в дощечку. Обещали вознаграждение.

Шаваш стоял у столба, когда читали объявление, – он уже с утра был на ногах.

– Ну и времена пошли, – сказал чей-то голос над ухом Шаваша, – уже чиновников стали убивать.

– А как жить-то? – горестно изумился другой голос. Черные цеха позакрывали, люди бегают беспризорные, как крысы! Господин Нарай-то волков вешает, а овец не кормит. Еще и не то будет.

Голос был, конечно, прав: с тех пор, как господин Нарай вошел в милость молодого государя и стал наводить в столице порядок, много незаконных лавочников и таких негодяев, которые делают деньги из наемного труда, было повешено, под ребра и за шею; рынки были сильно разогнаны; а чернь, которой эти негодяи раньше давали работу, совсем обнищала.

Господин Нарай был такой человек – до дыр протрет, а грязи не оставит.

После этого Шаваш принялся бродить по улочкам Нижнего Города, собирая в уши разные разговоры. Бог знает, что он собрал: а только через три часа он постучался в заведение за беленым заборчиком, такое дрянное, что на столбе за калиткой не было даже славословия государю, а вместо славословия сохла чья-то нижняя юбка, – будто другого места нет. У ворот заведения, перед богом с рыбьей головой, стояла медная ступка, а в ступке торчал пест. И ступка и пест обозначали профессию обитательниц дома, и, конечно, только человек очень невинный или какой-нибудь варвар, из тех, что мочатся с седла, заключил бы, что в доме торгуют толчеными пряностями или плющат горох.

Шаваш поднялся наверх по лесенке и всунулся в занавешенную комнатку, где перед бронзовым зеркалом сидела и красила бровки рыженькая девица.

– Тима, – сказал Шаваш, – а где Лоня-Фазаненок? Он меня просил...

– А-а, – закричала девица, поворачиваясь от зеркала и отчаянно кривя рот, – замели Лоню!

Девица повалилась со стула и начала рыдать. Тут только Шаваш заметил, – или сделал вид, что заметил, – что в комнате все выворочено, так сказать, мехом внутрь.

– Что такое, – сказал Шаваш, – в чем дело?

Рассказ девицы прерывался рыданиями, – мы же его прерывать не будем, а, наоборот, дополним его некоторыми сведениями, необходимыми для лучшего понимания.

Лоня-Фазаненок был у девицы постоянным клиентом, подумывал откупить ее у хозяйки и уже собрал для этого половинку денег. Деньги он зарабатывал, торгуя вразнос всякой железной мелочью, амулетами и гвоздями.

Хозяйка, будучи женщиной незлой, не препятствовала молодому человеку и даже согласилась сбавить цену.

Месяца два назад, однако, господин Нарай, войдя в сердце молодого государя, стал очищать страну Великого Света от скопившейся в стране грязи, от зла и несправедливости, зависти и обиды и причины их – частной собственности. Проверили товар, которым торговал Лоня, и вышло так, что товар был скорее ворованный, чем честный: крали из государственного цеха материал и в запретное время делали черт знает что.

Те, кто вверху, подпали под плети и в тюрьму, а Лоня оправдался по способу Бажара, то есть взяткой, однако остался без занятия и без денег.

Теперь уже не было разговора о том, чтобы выкупить девицу: каждый вечер он являлся к ней, пьяный и с друзьями, охаживал плеткой и требовал денег: та давала, сколько могла.

Вчера вечером, по словам Тимы, Лоня явился к ней пьяный выше глаз, с приятелями, с пузатым кошельком, с витым перстнем, с кольцом и с золотым погребальным бубенчиком. Девицы перепугались, а мужчины захохотали и сказали, что это они так нашли. Перстень Лоня тут же надел на Тиму, а золотой бубенчик побежали с утра закладывать в ссудную лавку: там-то, в лавке, их и взяли.

– Иииии, – заливалась девица, – так я и знала, что он человека убил! Пьяная кочерыжка!

– Почему убил? – спросил Шаваш.

– За храмом Исииратуфы сегодня нашли человека! Пришел чиновник, опознал убитого, описал вещи при нем: как раз этот бубенчик и перстень.

– А куда, – спросил Шаваш, – повели Лоню?

– В Четвертую управу.

И рыженькая девица опять заплакала.

– Вот беда-то, – сказала она, успокоившись, – я ему корзинку собрала, а хозяйка меня не пускает: мол, сейчас клиенты пойдут!

Шаваш задумался.

– А что ты мне дашь, если я отнесу корзинку?

– Розовую дам.

- Две розовых, – сказал Шаваш.
- Экий ты жадный, – сказала девица.
- Я не жадный, я голодный, – ответил Шаваш.

* * *

За распахнутыми воротами Четвертой Управы сверкал белый мощеный двор, и лаковые с желтыми ободками колонны бежали навверх, навверх, мимо статуи Парчового Бужвы к бронзовым, украшенным вставшими на хвосты драконами дверям. Красный полотняный навес трепетал над дальней половиной двора, защищая от яркого осеннего солнца писцов с дощечками и многочисленных посетителей, диктовавших им жалобы.

Труп был выставлен для опознания перед статуей: зевак было больше, чем мух в сви-нарнике. Шаваш заметил в толпе пятерых людей с укрепленной на шапке красной бумажной полосой. На полосе было написано «прошу справедливости». Это были просители, одетые так, чтобы судья их сразу увидел.

Вдруг запели флейты, засвистел губной гребешок: под тройною аркой ворот показался красный паланкин, украшенный почетными венками. С боков паланкин был обшит парчовыми звездами, впереди бежали слуги с палками, разгоняя народ. Из паланкина вышел высокий человек в длинном платье дворцовых сановников, прошествовал в сопровождении слуг к деревянному лотку с трупом; упал на землю и горестно зарыдал.

– Да это же императорский наставник Андарз! – прошептал кто-то рядом с Шавашем.

Шаваш раскрыл рот и стал смотреть. С мраморных ступеней управы поспешно сошел судья, лег на землю рядом и завопил от уважения к гостю. Они проплакали столько времени, сколько надо, чтобы сварился горшок каши.

Потом во двор спустился молодой чиновник в белой пятисторонней шапке, поклонился и произнес:

– Пожалуйте внутрь!

Шаваш смотрел на императорского наставника заворуженно. Господин Андарз был стихотворцем и колдуном: одержал победу над западными варварами, засыпав их пылающими листьями; превратил одного чиновника в выдру; и однажды, когда государь пожаловал в его сад среди зимы, по просьбе государя устроил лето.

В общем, это был человек из тех, которых при жизни рисуют с двумя зрачками, а стихи его пели во всех харчевнях даже тогда, когда государыня Касия сослала его к ледяным горам.

Между тем Андарз и судья кончили плакать. Императорский наставник встал и брезгливо отряхнул песок с рукавов. Андарз и судья поднялись по мраморным ступеням; бронзовые двери закрылись. Из-за поднявшейся суматохи судья так и не подошел к просителям, несмотря на то, что красные полосы на шапках были очень заметны.

Шаваш подумал и пошел прочь из толпы. Через минуту он стоял с другой стороны управы, в маленьком загончике перед стеной, за которой держали преступников. В загончике скучало двое стражников. Один из стражников отобрал у Шаваша корзинку и сказал:

– Куда лезешь, мизинчик!

Мизинчиками называли детей, принадлежавших крупным шайкам: те носили в тюрьму корзинки, продавали краденое, а также, по распространившейся моде, большие люди в шайках употребляли их вместо женщин.

– Какой же это мизинчик, – возразил другой стражник. – Это Шаваш-сам-по-себе! Его сам Свиной Глазок приглашал в свое товарищество, а Шаваш отказался. «Я, мол, сам по себе». Свиной Глазок велел его не трогать...

И стражник покачал головой, сильно удивляясь причуде Свиного Глазка.

– Что тебе нужно? – спросил он.

Шаваш объяснил стражникам свое дело, они взяли из его корзинки лепешку побольше и пустили его к Лоне-Фазаненку.

– Неудачный человек Лоня, – сказал старый стражник. – Это же надо так: убить, а наутро попасться. Ты вот, Шаваш, часто слышал, чтобы человека схватили наутро после убийства?

– Нет, – сказал Шаваш, – я нечасто слышал, чтобы человека схватили наутро после убийства.

Стражник покачал головой и добавил:

– Воистину, когда человеку суждены неудачи, то даже приобретение богатства ведет к несчастью.

* * *

За стеной начинался маленький садик. В садике рос кактус агава, символизировавший колючее преступление, и морковь для кролика госпожи супруги судьи. За грядкой с морковкой начинался крытый каменный проход, с двумя стражами у входа и выхода, а в конце прохода начиналась собственно тюрьма. Но внутрь тюрьмы Шаваша не пустили. Четвертый по счету охранник порылся в корзинке, выбрал себе лепешку и сказал:

– Не нужна уже Лоне твоя корзинка. Слышал переполох во дворе? Это приехал сам государев наставник, господин Андарз. Он, оказывается, был знаком с покойником. Судья так и обмер. Сейчас его угощают чаем в Розовом Павильоне, а потом, конечно, сразу вызовут Лоню с товарищами на допрос: не дважды же ездить в наше заведение императорскому наставнику!

– Что же, – сказал Шаваш, – и допрашивать их будут в Розовом Павильоне?

– Ради такого случая, – сообщил стражник, – велено вести в Черепажный Зал.

И забрал из корзинки еще лепешку.

Шаваш вынул из рукава розовую бумажку и протянул стражнику.

– Чего мне тут сидеть? Отдайте корзинку Лоне, если он вернется, а? А я пойду.

Шаваш, однако, никуда не пошел из тюремного двора, как сделал бы на его месте всякий разумный человек, торопясь покинуть это место подозрения и скорби. Едва каменный угол коридора укрыл его от взора стражника, Шаваш остановился, поплевал на руки и – просочился через не забранную решеткой отдушину около пола, которую он еще раньше приметил. Не то что взрослому человеку, но и крупной собаке было б невозможно пролезть сквозь эту отдушину. Но Шаваш, как мы уже упоминали, был не человек, а так – огрызок.

Во внутреннем дворе мальчишка остановился, обдумывая дальнейший план действий. Шаваш не знал, сколько времени полагается угощать императорского наставника чаем, но подумал, что это дело займет у судьи все время до Часа Коровы.

За стеной, покрытой синей глазурованной черепицей и увитой виноградом, начинались длинные кровли и башенки парадной части управы.

Виноградные плети оборвались бы под тяжестью взрослого человека, но Шаваша должны были выдержать.

Шаваш взобрался на стену, прокрался по синему ее коньку и перескочил на толстую черепичную крышу управы. Миг – и вот он уже пробежал по кровле крытой дороги, еще миг, – и вот он уже над крышей главного зала.

Шаваш лег на кровлю и тихо-тихо вытащил несколько черепиц. За черепицами начиналась вата, – Шаваш вытащил и ее. Шаваш просунул голову вниз и увидел толстые, как ананас, балки. Снизу к ним были прибиты тоненькие доски потолка. Между плоской черепичной кровлей, подбитой ватой, и потолком оставалось пространство в локоть высотой.

Шавашу этого было вполне достаточно. Он влез внутрь, задвинул, как мог, за собой черепицу и ужом пополз по срединной балке. Скоро он дополз до перекрестка балок, как раз

поверх стены Черепаховой Залы, отыскал место, где из потолка выпал сучок, и вытаращил внутрь любопытный глазок.

Шаваш хорошо знал устройство здешних покоев, потому что трижды его таскали сюда как свидетеля, а однажды даже что-то пытались приписать.

Суд только начинался.

Господин судья, в желтом платье с квадратным воротником, расшитом ветвями и пятилистниками, восседал на возвышении. Поверх головы судьи травяным письмом было написано красивое изречение: «Если суды в государстве устроены ненадлежащим образом, государство перестает быть государством».

Двое писцов сидели на циновках, а молодой помощник судьи, которого Шаваш видел на ступенях управы, почтительно стоял справа от кресла. Слева от кресла стояла статуя царствующего государя с головой мангусты. Эта статуя обладала удивительным свойством: в присутствии статуи даже самые закоренелые преступники говорили только правду. Самому Шавашу трижды приходилось при ней лгать, но это только потому, что у него был с собой талисман «идака», специально чтобы лгать на суде.

Самого государя Варназда Шаваш видел только один раз, в прошлом году, как раз на Новый Год. Тогда на красных улицах построили большой мост, чтобы все могли видеть Государя, а Шаваш, боясь, что его задавят, залез с ночи на высокий каштан. Император шествовал, окруженный львами, козами, собаками, лисами, оленями с золочеными рожками и такими животными, которых Шаваш никогда и не видел и которые водятся только по краям земли и в императорском саду.

Львы трясли головой, рвались с золоченых поводков, – слуги из императорского зверинца мотались за ними, как дым из печки. Сам император был в рисовой маске, и в его белой одежде не было ни единого шва, подобно тому как в законах империи не было ни одного зазора: впрочем, насчет швов Шаваш издалека не мог ничего сказать путного. Государь и люди из его свиты бросали в народ деньги и билетки государственной лотереи.

Пять лет назад такой вот праздничный мост обвалился: пострадало сто сорок человек императорской свиты, одна золоторогая коза и народ под мостом, но в этот раз никаких происшествий не было.

На следующий день Шаваш срезал на рынке кошелек и вдруг почувствовал угрызения совести. «Даже бессмысленный зверь, овца и павлин, – подумал он, – слушаются императора, а я вот нарушаю закон!» Но кошелек все-таки срезал.

Тем временем в зал вошел господин Андарз. Господину Андарзу было тогда лет тридцать семь-тридцать восемь. Это был человек среднего роста, худощавый, с гладкой кожей цвета топленого молока, с высоким лбом и выгнутыми, как жертвенный нож, скулами, и с удивительными васильковыми глазами, формой напоминающими персиковую косточку. Руки его были несколько тонки в запястьях, и кончики длинных и узких пальцев были выкрашены хной. Шелковое платье Андарза было расшито павлинами и единорогами, и из-под платья виднелись кончики сапог, украшенных серебряными ирисами. На голове у него была круглая шапочка, увенчанная выступом наподобие соколиного клюва. Шапочка была зеленой, а волосы, выглядывавшие из-под нее, были очень темные, но не черные, а скорее с легким рыжим отливом.

Помощник Четвертого судьи поспешно подставил ему бронзовую табуреточку.

– Как можно сидеть в присутствии судьи, – отрывисто проговорил Андарз и отошел к левой стене. Нечаянно он стал как раз под тем местом, где расположился Шаваш. Лицо его, отраженное в зеркале, было совершенно невозмутимым, но сверху Шаваш вдруг увидел на его затылке бисеринки пота.

«Удивительные люди чиновники, – подумал Шаваш, – даже потеют затылком»

– Значит, – осведомился судья, сделав знак писцам, – убитый был вам знаком?

– Увы, да! – промолвил государев наставник. – Я учился с ним вместе в дворцовом лицее! Его звали господин Ахсай. Он был назначен тысячником морских перевозок в Лакку и проявил на этом посту известные способности. Впоследствии он незаслуженно подвергся взысканиям: наша семья нашла возможным поручиться за него. Ахсай получил должность в провинции Укеш, однако проживал в основном в столице.

Тут Шаваш заметил, что молодой помощник судьи быстро и нагло усмехнулся. Дело в том, что провинция Укеш была давно завоевана варварами, и должности в ней за деньги приобретали люди, подозреваемые в богатстве.

Таких людей называли пустыми чиновниками. Эти пустые чиновники понастроили себе по империи домов с изукрашенными окнами, завели павлинов в садах и рабов в мастерских, – потому что по закону государя Иршахчана только чиновникам полагались дома с выгнутыми бровями и павлины в садах, и они, конечно, не очень твердо знали имена своих провинций, но зато хорошо знали дебет и кредит. Нажитые им земли и лавки они обычно дарили высоким сановникам в обмен на покровительство и право управления подарком.

Разумеется, все эти люди ужасно рисковали, что их покровителя арестуют, а подаренную землю заберут в казну. При аресте Руша около двух тысяч уважаемых людей пострадало таким образом, – в провинции многие с трудом откупились, а в столице Нарай защемил им горло.

– Я, – продолжал между тем Андарз, – не поддерживал с ним связи, но, будучи благодарен мне, этот человек несколько раз в месяц наносил мне визиты, и, хотя лично я не имел в нем никакой нужды, он выполнял разные мелкие поручения моей жены. Я неоднократно предупреждал женщину, чтоб она не имела с ним дела, – но разве ее переспоришь?

Императорский наставник смущенно засмеялся, и судья хихикнул. Страсть господина Андарза к женщине по имени Линна была притчей во языцех. Господин Андарз встретил ее год назад в домишке какого-то лесника, застигнутый грозой. Заташил девицу на ночь в постель, а на следующий день увез с собой. Женщина эта была настырная, и по ее настоянию Андарз отослал из столицы других четырех жен.

Господин Андарз продолжал:

– Словом, вчера моя жена дала этому Ахсаю письмо для своих родителей, которые живут в императорских охотничьих угодьях, да немного денег, чтобы он его отнес. Ей не терпелось получить ответ вчера вечером, и она раскапризничалась как раз...

Уголки холеного, чуть сладострастного рта опустились вниз, и все присутствующие живо представили себе, в какой именно миг, по обыкновению, раскапризничалась глупая женщина.

– Я попытался ей объяснить, что родители ее живут далеко, что господина Ахсая, верно, угощали чаем и что из-за всего этого он не мог поспеть в Верхний Город до того, как на ночь закрыли ворота. Но когда ворота открыли, а господина Ахсая все не было и не было, госпожа раскричалась так, что я был принужден послать прислугу поискать, не напился ли господин Ахсай где-нибудь по пути в кабачке. С ним такое случалось. И вот...

– Дело яснее ясного, – сказал судья. – Видимо, вчера господин Ахсай вернулся в столицу до того, как были закрыты внешние городские ворота, но прибыл к воротам Верхнего Города после того, как они уже были заперты. Не имея возможности в ту же ночь попасть в Верхний Город и имея предлог не возвращаться домой, он решил отыскать какое-нибудь место для развлечений и поплатился за свои пороки.

Кивнул сам себе и осведомился:

– А из-за чего подвергся взысканиям господин Ахсай?

– Его обвинили в сообщничестве с торговцами Осуи.

Судья сокрушенно воздел глазки к небу и пробормотал:

– Ужасно. Ужасно, сколько беспочвенных обвинений возводилось на людей во времена Руша!

После этого в зал ввели Лоню-Фазаненка с приятелем. Судья выпучил глаза и закричал:

– Рассказывай, негодяй, как ты убил человека!

Фазаненок повалился на колени:

– Ваша честь, мы его не убивали! Вчера вечером я с приятелем шел у канала, вдруг вижу – плывет тело. Мы его вытащили на берег, начали приводить в чувство, а он уже мертвый. «Это самоубийца», – говорит мой приятель. Я нащупал кошелек и подумал: «Этому человеку его кошелек уже не нужен, а мне, наоборот, очень кстати, – разве не справедливо будет, если я возьму его себе?»

Судья стукнул молоточком, давая знак, чтобы Лоня замолчал. Казенный лекарь выступил вперед и сказал:

– В легких у трупа нет воды, на шее имеется полоса от веревки, а под правым ухом и на затылке – две круглые вмятины. Человека этого сперва придушили, а потом бросили в канал. Самоубийства тут быть не может.

Судья всплеснул руками и закричал на Лоню-Фазаненка:

– Признавайся, дрянь! Ты задушил человека, а потом бросил его в воду. Мыслимо ли такое дело, чтобы тот, кто убил покойника, оставил при нем кошелек и золотые бубенчики!

Фазаненок, однако, уперся на своем:

– Не убивали мы, ваша честь! – твердил он.

Но куда там! Судья распорядился: из подвала притащили бочку с плетьюми, томившимися в рассоле. С преступников сорвали одежду и стали бить их от шеи и до копчика: скоро кончики плетей были все в крови.

Лоня не выдержал и показал следующее:

– Шел-де ночью по мостовой и, будучи пьян, споткнулся о чиновника. Он меня обругал грязной рожей, а я его задушил. Потом оборвал с него кошелек и бубенчик, а тело бросил в воду, надеясь, что сойдет за самоубийство.

После этого принесли мешочек с похищенным и составили опись: кошелек в форме кожаной позолоченной рыбки с десятью ишевиками и восемьюдесятью тремя «розовыми». Кинжальчик с костяной ручкой, с изображением пляшущих змей. Три похоронных бубенчика, позолоченных. Перстень-винт из серебра с камнем турмалином, кольцо золотое в виде изогнувшегося акробата, акробат держит в зубах берилл. И все.

– Пойдите, – сказал судья, – а как же письмо от родителей почтенной госпожи? К тому же, наверное, при письме были подарки!

– Не брали мы никакого письма! – жалостно завопил Лоня.

– Обыскать убитого, – распорядился судья.

Молодой помощник побежал исполнять приказание, а господин Андарз сказал:

– Вероятно, он оставил письмо в месте, где остановился на ночь. Ручаюсь, что убийцы нашли все, что можно было найти. Стоит ли беспокоить мертвого?

– Я тоже так думаю, – сказал судья, – но по новым порядкам надо учинить формальную опись!

Молодой помощник, явившись обратно, доложил результаты осмотра трупа:

– На теле повреждений нет, кроме следа от веревки и двух вмятин, с кафтана спороты кружева, и никакого письма.

– Признавайся, негодяй, – закричал судья, – куда дел письмо!

Лоня заметался.

– Не брал я письма, – заплакал он.

Судья погрузился в глубокую задумчивость.

– Здесь дело нечисто, – объявил он, – почему этот человек, взяв на себя убийство, отпирается от ненужных ему бумаг? Принести платье покойника!

Приказание было исполнено. Судья поднялся с места и начал сам щупать кафтан. Но увы! Карманы были пусты.

Судья недоумевал.

Один из ярыжек поклонился и доложил:

– Господин судья! Сдается мне, что сапоги этого чиновника сделаны не в столице, а в Осуе. Я слышал, что сапожники Осуи иногда делают особые хранилища в сапогах!

– Разрезать сапоги! – распорядился чиновник.

Сапог разрезали и вытащили из левого сапога пакет из навощенной кожи.

– Разверните пакет! – приказал судья.

– Господин судья, – сказал Андарз, – ведь в этом пакете письма женщин! Прилично ли разворачивать их в казенной управе? Госпожа расплатится, узнав о таком бесчестье!

Судья, казалось, заколебался.

– Почтеннейший, – наконец сказал он, – правосудие не должно знать исключений.

Красивое лицо Андарза исказилось:

– Как! Вы отказываете мне в такой просьбе?

Судья воздел руки и вскричал:

– Увы, не я, а закон!

И тогда произошло нечто, никем не ожидавшееся.

Андарз сунул руку под платье и вдруг вытащил оттуда длинный и узкий, как лист осоки, меч.

Андарз сделал шаг вперед, и острие меча оказалось перед глазами судьи. Присутствующие ахнули. Частное владение оружием было совершенно запрещено. И хотя это запрещение не относилось к такому сановнику, как Андарз, все же при этом молчаливо подразумевалось, что если он и проучит мечом какого-нибудь нерадивого секретаря, все же он не станет шастать с таким пестом по столичным управам!

– Или ты отдашь мне этот пакет, – холодно сказал императорский наставник Андарз, – или я насажу тебя на эту штуку.

Тут судья вспомнил, как господин Андарз, взяв речной город Одду, развесил две тысячи варваров на одном берегу, а две тысячи – на другом, и от этого воспоминания о национальном триумфе ему почему-то стало нехорошо.

Он взвизгнул и отпрыгнул от пакета подальше. К несчастью, рукавом он задел рогатый светильник, и светильник опрокинулся на пакет. Судья, спасая пакет, схватил его за один угол. Андарз в это время схватил пакет за другой угол, послышался треск, и пакет разодрался пополам.

– Ах! – сказал судья.

Из пакета выпала белая дощечка, положенная туда Шавашем.

Императорский наставник спокойно поплевал на лезвие меча, да и сунул оный в ножны. А судья, чтобы скрыть смущение, всплеснул руками и заорал на Лоню:

– Все ясно, – вскричал он, – этот негодяй нашел тайник в сапоге еще раньше! Признавайся, куда ты дел письмо!

– Не брал я никакого письма, – заявил Лоня.

– Что ты врешь, – изумился судья, – палок ему!

Лоню стали бить так, что у него с бедер поползло мясо, но на этот раз Лоня твердо стоял на своем. И то: и так с него спросят за письмо, и так спросят.

А господин Андарз стоял у стены, сложив на груди красивые руки.

Тут вмешался молодой помощник судьи:

– Видимо, преступник говорит правду. Вину свою он признал, схвачен с поличным, деньги и ценности все нашли при нем, и всю ночь он был на виду. Куда б он успел что-то спрятать?

– Похоже, что так, – согласился судья.

Лоню попрыскали водичкой и унесли. Господин Андарз, распрощавшись, направился к своему паланкину. Распорядился: «Доставьте тело в мой дом. Погребальные расходы беру на себя».

Судья завершил судебные церемонии, налил в жертвенник Бужвы молока и вина и отправился в ближние покои. Зала опустела.

Шаваш вылез на крышу, прыгнул в казенный двор и схоронился там в пустой бочке, а когда во двор опять пустили народ, смешался с толпой просителей, выскользнул за ворота – и был таков.

* * *

Через час Шаваш вошел в кабачок «Шадакун». Стены кабачка были покрашены синей краской, и на синем фоне был нарисован рыбий бог Шадакун.

Перед богом, в память о его варварском происхождении, дымился фитиль, вставленный в козий помет, смешанный с травой и нефтью. В руке бог держал корзинку с рыбой, и вместо лица у бога было большое медное зеркало. Под богом, на циновке, сидел Исман Глупые Глаза. Исман пил рисовую водку и глядел на свое отражение в боге.

Исман Глупые Глаза был когда-то писцом в министерстве, но его начальник был к нему недоброжелателен. Как-то Исман сделал опisku в подорожной. «Глупые твои глаза», – сказал начальник, и Исмана уволили. Он стал давать всякие полузаконные советы делателям денег и прочим разбойникам, а в последние месяцы, когда господин Нарай стал этих разбойников изживать, совсем опустил и не просыхал.

Исман допил бутылочку и попросил еще.

– А кто платить будет? – спросил хозяин харчевни.

– Слушай, – сказал Исман, – я тебе заплачу в следующем рождении, а?

– Пошел вон, – сказал хозяин харчевни.

Исман обиделся:

– Слушай, – сказал он, – или ты не веришь в следующее рождение? Думаешь, господину Нараю такое понравится? Только бунтовщики и еретики не верят в следующее рождение!

– Пошел вон, – повторил трактирщик.

Тут Исман стал ругаться, но трактирщик не обращал на него внимания, зная, что Исман его не убьет. Шаваш вытащил «розовую» и отдал ее трактирщику. Потом подумал и вытащил вторую.

– Ого, – сказал трактирщик, – ты сегодня с добычей.

Шаваш подошел и сел на циновку рядом с Исманом. Трактирщик принес им чашки и плетеный кувшинчик с вином. Исман вставил соломинку в чашку и стал сосать вино. Шаваш тоже вставил соломинку в чашку, но вина сосать не стал.

Шаваш вытянул из рукава третью «розовую» и стал на нее смотреть.

– Слушай, Исман, – вдруг спросил Шаваш бывшего чиновника, – а правда, что государь однажды подарил господину Андарзу бумагу в сто тысяч «розовых» и просил употребить ее наилучшим способом, – а Андарз взял перо и написал на этих деньгах свои стихи?

– Правда, – сказал чиновник, – только он написал не свои стихи, а стихи Адинны.

– А чем стихи Адинны лучше стихов Андарза? – полюбопытствовал Шаваш, который разбирался в стихах гораздо хуже, чем в чужих кошельках.

– По-моему, стихи Адинны хуже стихов Андарза, – сказал Исман. – По-моему, Андарз лучший поэт, чем кто бы то ни было после Трех поэтов Пятой династии.

– Не скажи, – вмешался хозяин, – пока человек не умер, нельзя сказать, хороший он поэт или плохой. Потому что еще не было случая, чтобы хороший поэт не умер плохой смертью.

– Вряд ли господин Андарз умрет плохой смертью, – возразил бывший чиновник, – государь его нежно любит, и если бы не он, ты бы сейчас не угощал меня вином из Хабарты, потому что ее бы захватили варвары.

– Ну, – покачал головой хозяин, – если господин Андарз умрет спокойной смертью, то после смерти окажется, что он был плохой поэт.

Трактирщик высказался и ушел протирать чашки, а Исман остался нюхать лепешку и смотреть на свое отражение в боге.

– Слушай, Исман, – сказал Шаваш, – а откуда взялись деньги?

– Деньги, – сказал Исман, – ввел государь Иршахчан, чтобы учесть все, что производит страна, и чтобы выдавать чиновникам жалованье не натурой, а кожаными листами, которые можно обменять на продукты в казенных лавках.

– Это ты имеешь в виду настоящие деньги, – сказал Шаваш, – а откуда взялись золотые монеты?

– После государя Иршахчана, – промолвил бывший чиновник, – империя распалась на части, и настали такие времена, что по одну сторону реки было одно государство, а по другую – другое, а на острове между ними было третье. Так получилось, что на кожаную монету, на которую по одну сторону реки обязаны были менять на овцу, по другую сторону реки нельзя было обменять даже на клочок овечьей шерсти, и бумага, которая вечером, при одной династии, означала фруктовое дерево, утром, при другой династии, означала разорение владельца. И вообще каждая новая власть не заботилась ни о ремесленниках, ни о земледельцах, а заботилась только о том, чтобы нарисовать побольше кожаных и бумажных денег. Тогда люди стали менять между собой товары на золото и шкурки, а на бумагу меняли только тогда, когда к ним в дом приходили люди с оружием. И с тех пор повелось, что в те времена, когда товар пересекает несколько границ, расчеты ведутся в золоте, а когда он не пересекает границ, расчеты ведутся в бумаге. Государь Иршахчан сказал: «Бумажные деньги означают, что городом правит государь, золотые деньги означают, что городом правят деньги».

– Гм, – сказал Шаваш, – значит, бумажные деньги – это как долговая расписка? Государь выдает мне «розовую», а я могу прийти в казну и попросить ее поменять на рис и на золото?

– Можно сказать и так, – согласился бывший писец.

– А если я приду в казну, а там нет ни золота, ни риса?

– Тогда, – сказал писец, деньги начинают дешеветь, а вслед за этим дешевеет человеческая жизнь, и наступают такие времена, что человек ложится спать при одном государе, а просыпается при другом.

– А ведь деньги дешевеют, – сказал Шаваш.

Бывший писец вздохнул и стал сосать через соломинку вино. Шаваш попросил принести новый кувшинчик и сказал:

– А почему тогда не бывает частных денег?

– Чего? – удивился писец.

– Частных денег, – повторил Шаваш. – Предположим, частный человек соберет у себя зерно или золото и станет выдавать обязательства: данная бумага стоит столько-то в золоте, обещаю обменять на золото, буде потребуется. Это ведь тоже будут деньги.

– А откуда я знаю, – сказал писец, – что он меня не обманет?

– А откуда ты знаешь, что государь тебя не обманет? – возразил Шаваш.

– Ничего из частных денег хорошего не бывает, – сказал писец. – Знаешь дело о подменном государе?

– Знаю, – сказал Шаваш.

Дело о подменном государе случилось, когда государю Инану, старшему брату ныне царствующего Варназда, исполнилось восемнадцать лет и он потребовал, чтобы мать-регентша передала ему венец и печать.

Государыня была опечалена сыновней непочтительностью, начали расследование, и что же! Оказалось, что настоящий государь Инан давно мертв, а вместо него на троне сидит оборотень-барсук, и все это произошло через колдовство наставника государя, колдуна Даттама, настоятеля храма Шакуника.

Подлые монахи, желая известить государыню, учинили следующее: зашили за ворот платья государыни лягушачью ножку, колдовали над восковой фигурой, – фу, какая мерзость! Пойманные же отпирались: «Колдовства-де не бывает!»

Это были страшные люди: из железа варили золото, из хлопка – шелк, покупали дешево, продавали дорого, стали в ойкумене крупнейшим банком, предвидели будущее, – а вот той простой истины, что накопленное добро, если не подарить его государю и бедным, ведет прямо к гибели, – не знали.

– А что, – сказал Шаваш, – разве храм выпускал частные деньги?

– И какие деньги, – вздохнул ярыжка. В иных провинциях, кроме их денег, никаких других не хотели брать! А потом вот – покусились на такое! Разорили людей!

– Значит, – сказал Шаваш, – теперь частных денег нет?

– Разве что в Осуе.

– А откуда взялась Осуя?

Бывший писец высосал первый кувшинчик и пододвинул к себе второй. Ему нравилось учить мальчика. Хотя... разве это мальчик? И двенадцати нет, а уже – пущен в отход мироздания. О, времена!

И писец начал рассказывать историю города Осуи, расскажем ее и мы.

– Осуя – это был город в провинции Истарна, на самом берегу моря. Лет семьдесят назад на провинцию напали варвары. Варвары не умели считать до ста и брать городских стен, и Осуи не взяли, тем более что у них не было кораблей, а Осую снабжали с моря. Осуя вообще расположена очень неудобно, – с одного конца море, а с другого – горы, оберегающие жителей, но препятствующие земледелию. Поэтому город издавна занимался торговлей и другими вредными занятиями, скоро стал служить посредником между империей и варварами, покупал по низкой цене, продавал по высокой.

Через десять лет наместник Осуи, проворовавшись, задумал передать город варварам-ласам. Варварский король пришел к Осуе и стал в горах лагерем.

Горожане узнали про измену и повесили наместника на городской стене, а заодно и взбунтовались против империи. После этого они послали к королю депутацию с хартией в семьдесят статей. Город обещал платить королю ласов те же налоги, что раньше платил в империи, а взамен требовал самоуправления и права свободной торговли по всему королевству, и чтобы провинившихся горожан судил не король, а городские присяжные. Король согласился.

Через десять лет его преемник пошел на Осую войной, чтобы отобрать все эти права. Горожане решили защищаться, но в городской казне не было ни гроша, потому что налогов у них почти не было. Такова уж была их политика, что казна была пуста, а горожане – богаты. Тогда они решили сделать заем: самые богатые граждане ссудили государству семьсот тысяч ишевиков. Город выиграл войну.

Через два года на город напала империя – и опять пришлось брать у богатых людей в долг. Когда война кончилась, стали думать: как отдать долг? Ведь в казне ни гроша. Тогда кредиторы города соединились в банк, «Истинный банк Осуи», и этот банк получил на откуп пошлыны, и серебряные общественные рудники, и все, из чего можно извлечь доход. И с этого времени, сколько бы ни происходило в городе переворотов и сколько бы раз партия Империи ни изгоняла партию Варваров, Истинного Банка никто не трогал, потому что тот обеспечил городу невиданное процветание.

Истинный банк бьет очень хорошую монету, и если говорить как есть, то в наше время это единственная полновесная монета, но чаще всего рассчитывается частными деньгами: именными векселями и кредитными билетами.

– А чем же они торгуют, – спросил Шаваш, – откуда такое богатство?

– Ну, во-первых, – сказал писец, – у них есть серебряные копи, и еще они ловят на севере рыбу кита и продают его жир. Во-вторых, лет тридцать назад они снова заключили договор с королем ласов, чтобы тот напал на империю. Когда он, с помощью Осуи, взял город Шадду, издавна славившийся своими коврами, то варвары не убили всех, как обычно, а вывели людей за стены, отделили пять тысяч искусных ткачей и перевезли их в Осию: правда, половина перемерла по дороге. А через пять лет они таким же способом добыли для себя секрет итонайских гобеленов. Еще у богатых семей есть острова на юге, где рабы выращивают сахарный тростник. Но на самом деле богатство Осуи не от производства, а от торговли и как раз от этих частных денег. Да вот смотри, – сообразил вдруг писец, – ведь куртка твоя – это варварская шерсть! Гуляла эта овца за Голубыми горами, а красили ее в Осуе. Где ты ее взяла?

– Нехорошо лежала, – сказал Шаваш.

– Словом, – возвратился писец к рассказу, – хотя у них и очень хорошая монета, кредитных билетов и векселей у них в двадцать раз больше, чем монеты. Так что главное их имущество – это доверие к банку, потому что стоит только предъявить все эти билеты к оплате, и банк лопнет.

– Гм, – сказал Шаваш, – а что же, там не бывает переворотов и реформ? Вдруг кто-то отменит их билеты?

– Наоборот, – сказал писец, – перевороты там бывают довольно часто, как во всех странах с народным правлением. Ведь там есть и чернь, и банкиры, и знатные дома, происходящие от чиновников империи, и знатные дома, происходящие от варваров, каждый год партия империи изгоняет партию варваров, и наоборот. А то чернь кого-нибудь повесит, или два знатных дома не поделят невесту. И даже когда ничего этого не происходит, все равно каждый год они избирают нового городского главу: а тот, вне зависимости от того, чьей он принадлежит партии, начинает изгонять своих противников. Но на Истинном Банке это никак не сказывается. Во-первых, его никто не трогает. Во-вторых, Банк принял закон, что векселя изгнанников и повешенных все равно принимаются к оплате. А в-третьих, сила торговых людей – давно ушла за пределы города. Ну и что, что кого-то там изгнали? У изгнанника конторы при всех варварских дворах. Он едет в одну из контор и ведет оттуда дела через своих представителей, или плюнет на Осию, заберет у короля какой-нибудь город в уплату долга и начнет там княжить.

– Странно устроен мир, – сказал Шаваш, – когда в империи появляется бумага вместо денег, все тоскуют, а Осуя из-за этого богатеет.

– У них за векселями стоит товар, – сказал писец, а у нас что? Съедят они нас, как вошь человека.

– Почему съедят? – встревожился Шаваш.

– Кровопийцы – вот и съедят. Ты подумай: мы производим, а они сбывают! Продают дорого, покупают дешево. Нашей же кровью платят за наш шелк! А поедет чиновник продавать сам, – так князья его по дороге ограбят, а король кинет в тюрьму по навету осуйцев: «Он-де шпион империи». Сгноят ткани или скупят их за гроши, а чиновник по возвращении опять идет в тюрьму: «Продавал за гроши – значит, имел взятку!»

– Значит, – спросил Шаваш, – осуйцы получают выгоду, торгуя между империей и варварами?

– Да.

– А у варваров они получают товар, имея привилегии и беспошлинную торговлю?

– Точно так.

– А где же они получают товар в империи?

– Гм, – сказал писец, – это забавный вопрос. Действительно, где же они получают товар в империи?

И скорчил рожу.

– Я думаю, – сказал писец, – это дело сильно тревожит высших сановников. Лет десять назад, при государыне Касие, я слышал, в Осуе победила партия империи. И они предлагали подчиниться государю на тех же условиях, на каких они подчинились королю, то есть уважать их банк и их самоуправление, а взамен просили права беспошлинной торговли. И дело было уже почти сделано: но чиновники, направленные в Осию для принятия присяги, чем-то раздразнили народ. Чернь взбунтовалась, правителей повесили, изгнанников вернули, а чиновников выгнали из города без штанов.

Шаваш вздохнул.

– А что же случилось с чиновниками, которые упустили такой город?

– А что с ними случится? – возразил стряпчий, – вон, первый среди них был господин Нарай!

Шаваш угощал стряпчего еще некоторое время, пока тот не облокотился головой о столик и не заснул. Шаваш встал и пошел к выходу из харчевни. У выхода хозяин чистил медную корзинку на рыбьем боге.

– А слышал ли ты, – спросил он у Шаваша, – что сегодня случилось в Четвертой Управе? Господин Андарз угрожал мечом тамошнему судье, если тот дотронется до письма его жены! Вот что значит любовь! Неужели такой человек умрет спокойной смертью?

* * *

Воротившись в свое дупло, Шаваш вынул Дуню из клетки и насыпал ему семечек, а потом вытащил из щели дуба пакет, доставшийся от мертвеца, и стал изучать содержимое. Сомнений не было, – он держал в руках не документы и не деньги, а банкноты Осуйского Банка, с несколькими подписями на корешке и с квадратной красной печатью.

Билетов было двадцать штук, и на каждом стояла невиданная сумма в пятьдесят тысяч ишевигов, а на белом корешке каждого билета было написано: *«государство есть общество, употребляющее деньги»*.

Невиданные слова!

Шаваш положил пакет обратно в дупло, а Дуню – за пазуху, поцеловал его в мордочку и спросил:

– Как ты думаешь, Дуня, в чем больше скандала: угрожать мечом судье или иметь тысячу тысяч незаконных денег? Мне кажется, что угрожать мечом судье хуже. Тогда почему господин Андарз так беспокоился об этих деньгах?

На это Дуня ничего не ответил.

Глава вторая, в которой государев наставник Андарз пирует в своем дворце и в которой говорится, что хорошим поэтом может быть только тот, кто умрет плохой смертью

Через четверть стражи Шаваш покинул дупло.

Он перебрался по мосту через реку и оказался в той части города, где обыкновенно не промышлял. Здесь не было ни притонов, ни шаек – одни дворцы и управы. Высокие каменные стены были украшены резьбой и рисунками, подобными окнам в иной мир, над стенами виднелись верхушки садовых деревьев и репчатые луковки павильонов.

Канавы попрыгали в трубы под мостовой, и над улицами плыл запах хорошей пищи и диковинных садовых ароматов. Шаваш глядел на эти дома удивленно и жадно, как варвар, отправленный послом в осажденный город, глядит вокруг и удивляется, что такая красота есть на свете, и прикидывает, где лучше ломать стену и тащить добычу. «Если на небе и есть рай, – подумал Шаваш, – то, наверное, он находится прямехонько над Верхним Городом».

Шаваш дошел до Бирюзовой Улицы и стал смотреть: перед ним, словно занавес, подвешенный к небесам, взметнулась стена дворца государева наставника. В стене было четверо разноцветных ворот: белые, желтые, синие и красные. Сквозь белые ворота ходила прислуга. Сквозь желтые ворота ходили чиновники четырех низших разрядов. Сквозь синие ворота ходили чиновники с пятого по восьмой разряд. Сквозь красные ворота ходили чиновники девятого разряда. А когда своего наставника посещал сам государь, он не ходил через ворота. Ради него ломали стену, походившую на занавес, подвешенный к небесам.

Слева от синих ворот копошился народ: в доме господина Андарза был праздник: его брат, господин Хамавн, наместник Хабарты, одержал очередную победу над варварами. Чернь сбежалась к уличным столам в ожидании своей доли.

Господин Андарз, государев наставник, был уважаем народом за великодушие и щедрость. Вернувшись с победой из Хабарты, он заплатил в тот год налоги всех городских цехов, а за пятьдесят тысяч горожан внес квартирную плату. Каждую неделю в его доме раздавали хлеб и мясо, а раз в месяц господин Андарз звал домой трех нищих самого гнусного вида, усаживал их на серебряную скамеечку и лично мыл ноги.

Пока Шаваш смотрел, меж толпы появился паланкин, сопровождаемый четырьмя слугами. Слуги несли в руках желтое знамя и перевернутые деревянные алебарды. Распахнулись красные ворота, – паланкин внесли внутрь. Перед глазами Шаваша мелькнули фонтаны, розовые колонны утопающего в зелени дома и Андарз, идущий по дорожке навстречу гостю.

Человек высадился из паланкина, словно драгоценный кувшин. Он был одет в строгий кафтан без знаков различия. Голову его украшала красная рогатая шапка, – знак траура.

– Осуйский посланник, – сказал кто-то за спиной Шаваша.

– Удивительное дело, – добавили – вчера арестовали всех менял в Синей слободе, а Осуйских купцов пускают через красные ворота.

– А что это он в трауре?

– А племянник у него позавчера умер, – забасил стоящий впереди Шаваша человек, видимо грузчик в Осуйском квартале. – Этот племянник год назад уплыл к варварам-ласам, и пришло известие, что его корабль утонул. А племянник, оказывается, выплыл, месяц назад явился в столицу: весь в болячках, ухо драное, – вот болячки вздулись, и он помер. Нежный дядя ругался: лучше бы, говорит, ко мне корабль вернулся, чем этот оболтус!

– Страсть к стяжанию, – сказал кто-то, – губит тела и души. Море боги сделали для рыб, а не для людей, нечего по морю-то плавать.

- А еще кто-нибудь спасся?
- Еще один человек спасся, хозяин корабля – Ахсай.
- А ведь этого Ахсая вчера ночью убили: эк их всех!

Кто-то кинул в посланника редькой, но не попал.

Тут ворота закрылись, скрыв от толпы фонтаны и флигеля, и паланкин с желтым знаменем и зеленым кругом, на котором черные точки складывались в уже знакомую Шавашу надпись: «Государство есть общество, употребляющее деньги».

* * *

Когда стемнело и на вершине стены зажгли масляные плошки, Шаваш обошел стену кругом, взобрался на орех и прыгнул в дивный ночной сад, полный неясными шорохами и дальними вскриками гостей.

Шаваш забился под куст и стал смотреть.

Красные факелы отражались в черной, как оникс, воде прудов, и белые лебеди, разбуженные музыкой и шумом, плавали за лодками, в которых сидели нарядные люди, и яства на столе были такие редкие, что даже поглядеть, не то что съесть, боязно.

Веселье разгоралось все сильнее и сильнее: засвистели флейты, чиновники стали хватать девиц и крутить их вокруг головы, юбки девиц разлетались так, что видны были их белые бедра. Один из чиновников упал, а девица на него села.

– Гасите факелы, – закричал кто-то.

Шаваш испугался, что все дело кончится общей свалкой, как у них в деревне.

Но тут Шаваш заметил, как господин Андарз, в длинном шелковом платье, покинув пирующих, засеменил в сопровождении спутницы к мраморному гроту, увитому струящимися по воздуху лентами и зеленью. Мгновение, – Шаваш скользнул, как белка, меж кустов, меж известковой стеной и плетями ипомеи и оказался в темном гроте раньше ничего не заметившего Андарза.

Господин Андарз и его спутница вошли в грот. Императорский наставник укрепил фонарь в форме персикового цветка, бывший с ним, на серебряной подставке, а девица села на край розового ложа и принялась стаскивать с себя юбку.

– Ой, – вдруг сказала девица, – тут кто-то есть.

– Да кто тут может быть! – сказал Андарз.

– Опять эти ваши выдумки, – капризно сказала девица.

Андарз, усмехнувшись, взял фонарь и наклонился над ложем: действительно, под розовым одеялом, обшитым кружевами, лежало что-то некрупное. Лежало и дышало.

– Тьфу, – сказал Андарз, – эти ручные лисицы.

Девица сняла одеяло.

На шелковом матрасике, расшитом цветами и травами, свернувшись в клубочек, спал грязный уличный мальчишка.

– Ах! – сказала девица.

– Голубчик, – сказал императорский наставник, – ты что тут делаешь?

Мальчишка что-то пробурчал во сне и перевернулся на другой бок.

Господин Андарз взял со стола ведро с холодной водой, в котором плавала ароматная дыня, которую они с девицей намеревались съесть немного погодя, вынул дыню и положил ее на поднос, а воду выплеснул прямо на мальчишку. Мальчишка взвизгнул, проснулся и подскокил, намереваясь удрать, но не тут-то было: государев наставник крепко ухватил его за волосы.

– Ой, господин, пустите, я больше не буду! – верещал мальчишка.

Одной рукой Андарз держал сорванца, а другой поднес к нему фонарь.

Мальчишка был тощий и маленький: у него были большие испуганные золотистые глаза, хитрая, как у хорька, мордашка и волосы, о цвете которых из-за грязи ничего нельзя было сказать.

– Нахал, – сказала девица, – какой нахал!

– Ты кто такой? – спросил государев наставник.

– Шаваш, – жалобно сказал мальчишка.

– Из какой же ты шайки? – продолжал допрос чиновник.

– Из никакой, – ответил мальчишка, – я Шаваш, который сам по себе.

– Так невозможно, – сказала девица, – чтобы не быть в шайке. Иначе бы тебя давно съели.

Шаваш оглядел кружевной грот, и взгляд его, пропутешествовав по рисункам на стенах, остановился на дыне. Ноздри мальчишки расширились: он с наслаждением вдохнул чудный запах и сказал:

– Если так невозможно, то я хотел бы быть в вашей шайке.

Чиновник расхохотался.

– Да ты знаешь, кто я такой? – спросил он мальчишку.

– Вы, господин, наверно, из очень достойной шайки.

Андарз рассмеялся еще веселей. Ночное приключение ему нравилось. Это было забавней, чем девица.

А девица дулась и глядела на Шаваша, как мангуста на мышь.

– Ты как сюда попал?

Шаваш вздохнул и сказал:

– У меня сестра больная, а лекарь велел ей есть утятину. Я проходил мимо сада и подумал: «Как вкусно пахнет. Наверняка тут есть и утятина! Почему бы не влезть в сад и не пошарить по столам после пира? Из косточек можно будет сварить отличный бульон!»

– Ты откуда такой заботливый? – усмехнулся Андарз.

– Из Чахара.

– Беглый, значит.

Шаваш очаровательно потупил глазки.

– И чем же ты пробавляешься в столице? Молишься святому Роху?

С тех пор как чиновник Рох учинил в подземном царстве растрату и лишился носа, он стал патроном цеха любителей чужих кошельков.

– Я, – сказал с достоинством Шаваш, – колдую, вот, – хотите вам покажу?

И он сорвал с головы чиновника круглую желтую шапочку и поставил ее на стол.

– Что под шапочкой?

– Ничего.

Шаваш снял шапочку. Под шапочкой лежал кожаный кошелек в форме листа аквилегии, а на кошельке сидел маленький хомячок Дуня. Андарз хлопнул себя по поясу, к которому кошелек был подвешен мгновение назад, а потом усмехнулся, раскрыл кошелек, пересчитал деньги внутри, вынул оттуда пять серебряных монет, украшенных изображением танцующего журавля, и отдал Шавашу.

– Головы за такое колдовство рубят, – зашипела девица.

– Я еще маленький, – возразил Шаваш, – мне не голову, а руку отрубят.

Андарз, казалось, задумался.

– Господин, – вдруг жалобно сказал Шаваш, – возьмите меня к себе!

– Как же я могу тебя взять, – возразил императорский наставник, – государь тебя мне не дарил, и вообще ты беглый.

– А купите меня в долговые рабы.

– Да кто же тебя продаст?

– А сестра и продаст.

Андарз вынул еще одного журавля, дал его Шавашу и сказал:
– Ладно, – приходи завтра в полдень с сестрой к боковым воротам.

* * *

Когда, спустя некоторое время, Андарз вновь присоединился к пирующим, к нему подбежал изящный секретарь, который утром сопровождал его к судье, – подбежал и шепнул что-то на ухо.

Господин Андарз кивнул и направился в глубину сада, к беседке.

Беседка, окруженная старыми соснами, походила на тысячекрылый цветок. В знак того, что в этой беседке принимаются важные государственные решения, над ней развевалось десятихвостое знамя с серебряной рыбой, вышитой на алом фоне, и надписью, исполненной травяным письмом. Почва вокруг беседки была мелко вспахана, чтобы живущий в беседке дух-хранитель не мог из нее уйти, а посторонний – подслушать что-либо. Люди в усадьбе обходили беседку стороной. Они считали, что дух-хранитель, живущий в беседке, – порядочная дрянь, судя по тому, какие там принимаются решения.

Внутри беседки, облокотившись на подушку, подобную цветочному лугу, сидел чиновник судебного ведомства. Это был молодой еще человек, лет двадцати пяти или шести. У него были выщипанные брови, маленький изящный рот и глаза цвета карамели. Взгляд у него был внимательный и холодный. Он был одет в красные бархатные штаны и белую, затканную красными цветами куртку, и его темно-русые волосы были аккуратно прикрыты красной восьмиугольной шапочкой. На ногах у него были сапожки с высокими белыми каблуками, чтобы удобнее было цепляться за стремя. Это был тот самый чиновник, который утром стоял подле судьи. Звали его господин Нан.

При виде Андарза чиновник выронил персик, который жевал, вскочил с подушки, подобной цветочному лугу, и принялся кланяться. Кланялся он минуты три, после чего Андарз слегка поклонился в ответ и попросил гостя занять его прежнее место. Нан сел на диван и даже подобрал персик.

Андарз, улыбаясь, смотрел на него.

Господин Нан был чиновник молодой и настойчивый, выходец из сонимских крестьян, скорее умный, чем добродетельный, и из некоторых вещей, которые господин Андарз знал о Нане, он мог заключить, что у этого человека волчьи зубы и лисий хвост, и даже Андарз не подозревал, сколько казенного добра застряло в этих зубах, пока секретарь Андарза, Иммани, у которого был нюх на подобные дела, не принес Андарзу ворох бумаг, уличавших Нана в крупных хищениях.

Господин Андарз тоже уселся в кресло: и вдруг вся беззаботность его исчезла, как исчезает жизнь из утки, подбитой стрелой. Он сказал:

– Я призвал вас, господин Нан, чтобы рассказать некоторые обстоятельства убийства господина Ахсяя.

Нан снова оставил в покое персик и почтительно склонил голову.

– Вчера вечером, – сказал Андарз, – господин Ахсай ушел от меня, унося с собой пачку осуйских кредиток, общей суммой на миллион. Он должен был обменять их на одно заинтересовавшее меня письмо. Сегодня утром при нем не было ни денег, ни письма.

Голос Андарза задрожал.

Молодой чиновник вежливо улыбнулся хозяину. Он знал, что господин Андарз – нервный человек. Заплачет ветер в дереве – заплачет и Андарз, а через минуту, глядь, – веселится. «Наверное, что-то его давеча очень развеселило, – подумал Нан, – если он сейчас такой грустный». И Нан сам грустно взглянул на персик, который ему очень хотелось доесть.

– Много лет назад, – сказал Андарз, – как вам, без сомнения, известно, город Осуя попросился обратно в империю, и среди чиновников, посланных государыней в Осуя, были я и советник Нарай. Тогда господину Нараю было сорок шесть. Как вы знаете, господин Нарай столь неудачно повел дело, что нас выгнали из города, а того человека, который нас пригласил, толпа повесила на фонаре и выщипала его, за ночь, до костей.

– Поведение Нарая было непростительно, – сказал молодой чиновник.

– Осуя соглашалась вернуться в империю лишь на определенных условиях, – осторожно заметил Андарз. Господин Нарай вел себя так, чтобы добиться отмены позорных для государя кондиций.

– Это называется: сжечь стог сена, чтобы найти иголку, – усмехнулся Нан. – С той только разницей, что Нарай сено сжег, а иголки так и не нашел.

Андарз неприятно поморщился. Несмотря на то что Нарай не явился на сегодняшний праздник, Андарзу не очень-то понравилось, что молодой чиновник так отзывается о любимце государя.

– В суматохе бегства, – продолжал Андарз, – ко мне попал в руки ларец с бумагами господина Нарая, а в нем – одно письмо, которое я посчитал нужным оставить у себя. Господин Нарай решил, что ларец сгорел. После этого наши пути разошлись, а так как господин Нарай не пользовался влиянием, я не видел надобности в этом письме. Вместе с ларцем оно хранилось у моего брата, наместника Хабарты. Шесть месяцев назад, испугавшись излишнего влияния, которое Нарай оказывает на молодого государя, я попросил брата прислать мне это письмо с моим секретарем Иммани. Я рассчитывал предъявить императору это письмо и покончить с замыслами этого ханжи.

Молодой чиновник едва заметно сдвинул брови. Шесть месяцев назад Андарз не мог «пугаться пагубного влияния Нарая» по той простой причине, что шесть месяцев назад именно Андарз представил Нарая государю. Стало быть, Андарз представил Нарая государю, чтобы тот отрубил для государя все головы, которые государь сочтет нужным, и тогда же отправил к брату за письмом, чтобы всегда иметь свою веревку на чужой шее.

Нан еще раз взглянул на персик и понял, что между ним и персиком больше ничего не произойдет.

– Недалеко от столицы на моего секретаря напали разбойники, отняли подарки и письмо, спрятанное в стенке черепаховой шкатулки. Вряд ли эти негодяи умели читать. Но вот неделю назад ко мне явился господин Ахсай, и сказал, что к нему пришел какой-то человек, и предложил мне выкупить через Ахсая письмо за миллион. А иначе он угрожал продать письмо советнику Нараю. Согласитесь, – вздохнул Андарз, – что я не мог отказаться.

– Ахсай знал этого человека раньше?

– Нет, – сказал Андарз, – этот человек сказал, что его люди не очень-то любят черствые сердца горожан и предпочитают первозданность зеленых лесов, а в столицу он пришел ради письма. Он произвел на Ахсая впечатление беглого мелкого чиновника.

Нан фыркнул: стихи о черствых сердцах горожан и первозданности леса были одними из самых известных стихов Андарза.

– Этот любитель стихов и лесов настаивал на осуйских чеках, а не на обычных деньгах?

– Да. Но это вполне разумно – миллион в деньгах империи займет целый мешок.

– Где они должны были встретиться?

– В какой-то харчевне, позавчера вечером.

Андарз помолчал.

– И вот вчера утром я слышу об убийстве и о том, что убийца уже найден. Я знал господина Ахсая за человека, который любит развеселиться после сделки. Я подумал: наверняка Ахсай отдал этому человеку меньше денег, чем попросил у меня. Сунул письмо в сапог и принялся пировать. Он ведь не подозревал об истинной его важности. Думаю, что он напился до

бровей и затеял драку с этим... Фазаненком. Мудрено ли случиться тому, что случилось? Я поспешил в Четвертую Управу, зная господина судью за человека, далекого от Нарая и всякой подлости. Я, признаться, был шокирован его поведением... Но, как вы знаете, ни письма, ни денег при покойнике не было! Этот бродяга, верно, вытащил его из сапога и бросил куда-нибудь, или сунул в щель!

– Что же вы хотите? – уточнил господин Нан.

– Всеми делами в управе занимаетесь вы. Допросите Фазаненка или устройте ему побег и приведите сюда.

– Лоня-Фазаненок, – мягко сказал Нан, – не убивал господина Ахсая.

– Как не убивал?!

– А вот так. Тот, кто его убил, не взял с трупа ничего, кроме самого главного, и оставил нетронутый труп в веселом квартале: на того, кто ограбит мертвеца, неизбежно должно было пасть подозрение в убийстве.

Нан хотел сказать, что, возможно, за трупом даже следили: очень уж быстро арестовали Фазаненка. Но господин Нан был не из тех, которые излагают любое соображение, которое приходит им в голову, лишь бы поразить собеседника быстротой мысли.

Вместо этого Нан пошарил у себя в рукаве и извлек из него, к удивлению императорского наставника, два круглых камня, связанных между собой цепочкой.

– Что это? – спросил Андарз.

– Эта штука, – сказал Нан, – на жаргоне столичных шаек называется «ловчий цеп». Ее бросают так, что она обвивается вокруг шеи, а потом бандит прыгает сверху на человека и добивает его камнем или тащит для выкупа. У покойника Ахсая были два синяка, под ухом и на затылке, и полоса вокруг шеи. В него сначала бросили «ловчим цепом», а потом задушили. Это работа бандита высокого полета. Разве такое по плечу Лоне-Фазаненку?

Господин Андарз молчал довольно долго.

– Да, – сказал он, – все сходится. Видимо, разбойник, встречавшийся с Ахсаем, ограбил его и убил, не отдав письма. Отыщите этого разбойника!

Нан улыбнулся.

– Так Ахсай сказал, что вы не знаете продавца?

Андарз обиженно прижал большой палец к столу.

– Откуда? Я не общаюсь с лесными разбойниками. Он назначил свидание в каком-то притоне...

– Ахсай врал, – сказал Нан.

Андарз недоуменно сощурился.

– В этом деле есть три обстоятельства, – сказал Нан. – Первое – это то, что человек, который продавал это письмо, знал, что вы находитесь в отчаянном положении. Что господин Нарай каждый день истребляет вас в глазах государя. Что вы купите это письмо и отдадите его государю, а не господину Нарая. Сколько людей это знает?

– Я вовсе не нахожусь в отчаянном положении, – возмутился Андарз. – Я вот уже восемь лет как наставник государя! Я и без этого письма могу потребовать отставки Нарая, когда сочту нужным!

– Сколько людей знает о вражде между вами и Нараем? – повторил Нан, словно и не услышав ответа Андарза.

– Многие во дворце это знают, – ответил тихо Андарз.

– Во дворце – высшие чиновники! Но разве высший чиновник станет продавать вам письмо за миллион? Он найдет лучшее применение такому капиталу, как это письмо! Только мелкий чиновник, который не имеет доступа к государю, сделает из такой вещи товар! А кто из мелких чиновников осведомлен о вашем положении?

– Только мои домашние, – сказал Андарз.

– Вот именно, – сказал Нан. – Человек, продававший вам через Ахсая письмо, был недостаточно высокопоставленным чиновником, чтобы использовать его самому, и недостаточно мелкой сошкой, чтобы вообще не понять его значение. Человек этот продавал вам письмо через Ахсая, тратя деньги на посредника, не потому, что был вам незнаком, а наоборот, потому что вы прекрасно его знали. Это был один из ваших доверенных лиц.

Андарз молчал.

– Обстоятельство второе, – безжалостно продолжал Нан, – Почему этот человек предложил письмо вам, а не Нараю? Нарай – восходящее солнце, вы – заходящая луна. Потому что, если бы Нарай завладел письмом, он погубил бы не только вас, но и все ваше окружение, – стало быть, этот человек причастен к тем из ваших дел, которым нет оправдания в глазах Нарая. Обстоятельство третье заключается в том, что лесной разбойник не станет просить осуйские деньги, потому что ему негде их будет разменять. Этот человек просил у вас чеки, потому что он известен в Осуе или потому что собирается бежать в Осию! И он был прекрасно осведомлен, что у вас есть осуйские деньги, потому что сам, вероятно, вел ваши дела... Что это? – вдруг перебил себя Нан.

Андарз замер. Нан распахнул окно: послышался шорох, ручная лисица виновато покосилась на Нана и засеменила прочь, оставляя на вспаханной земле следы, в которые словно стекался лунный свет.

Нан закрыл окно.

– Вы не могли бы показать мне само письмо?

Андарз подал принесенную с собой папку.

– Вот оно, – сказал Андарз. – Разумеется, оригинал написан на лазоревой бумаге.

Нан раскрыл папку, и по мере того, как он читал письмо, глаза его делались все изумленнее и изумленнее, словно он держал в руках не лист бумаги, а ласточку о четырех ногах или иную природную несообразность.

Васильковые же глаза Андарза делались все безумней и безумней: только теперь, казалось, императорский наставник сообразил, что именно ему было сказано: что среди ближайших его людей есть предатели и что... Великий Вей! Императорский наставник треснул кулаком по ореховому столику, отчего тот деликатно присел на ножках и крикнул, и заорал:

– Но я не могу арестовать всех моих доверенных лиц! Я прослышу ненадежным человеком! А те, кого я не успею схватить, перебегут к Нараю и наговорят на меня множество несправедливостей, не зная, чем себя спасти!

Молодой чиновник аккуратно закрыл папку и сказал:

– Хотел бы завтра появиться у вас на обеде и поглядеть на тех, кого вы называете своими доверенными лицами.

Спустя десяток минут в небе вспыхнул фейерверк: огненные имена приглашенных на праздник вспыхнули в небе и, упав в воду, не гасли, а продолжали гореть в воде.

Первый министр империи, Ишнайя, обязанный этим назначением своему другу Андарзу, и его собеседник, чиновник сообщений Шима, с любопытством смотрели вверх: им было интересно, появится ли на небе имя советника Нарая, приглашенного на праздник, но не явившегося.

Тихо раздвинулись кусты, и министр, оглянувшись, увидел молодого чиновника судебного ведомства, удалявшегося по мягкой, словно серебром обсыпанной дорожке из ночного сада.

– Кто это? – спросил Ишнайя.

Его собеседник пригляделся и хмыкнул.

– Этого чиновника зовут Нан, – сказал он. Необыкновенно деятельный молодой человек, сирота из провинции Соним, и делает за своего начальника в Четвертой Управе всю работу. Два дня назад с ним приключилась маленькая неприятность: господин Нарай разгневался на

судью Четвертой Управы за отчет, и судья покаялся, что отчет писал его помощник Нан. Нарай велел обоим явиться для покаяния. Очень способный молодой человек, но, как видите, карьера его кончена.

«Надобно выяснить, зачем Андарз звал этого бедняжку», – подумал Ишнаия.

В этот самый миг у поворота тропинки показался сам Андарз. Вельможа щелкнул пальцами, подзывая своего управляющего, и громко сказал:

– Амадия, господин Нарай не явился на праздник, – проследите, чтобы его имя не запачкало неба.

Чиновники вокруг вздрогнули, и послышался звон чьего-то хрустального кубка, разбившегося о каменный бортик пруда.

* * *

Солнце давно уже закрыло свой совиный глаз, и серебряные гвоздики звезд прибили к небосводу черный бархат ночи, – словом, наступил уже час Черного Бужвы, когда Шаваш постучался в ворота веселого учреждения под названием «Восьмое небо».

Как он прошел мимо запертых ночью ворот между Нижним Городом и Верхним, мы, признаться, не знаем: может, пролез в собачий лаз.

Ему открыли, и Шаваш взошел по ступенькам на третий этаж, в комнатку девицы по имени Тася. Никакого особого родства, кроме родства душ, между ними не было. В руках его была корзинка с янтарного цвета уткой, и пирожками, тающими во рту, и финиковыми лепешками, утешающими душу и разгоняющими печаль, и многим другим, что немного пьяный Андарз, смеясь, лично сложил в корзинку.

Тася лежала в постели одна, с синяком под глазом, и плакала. Увидев корзинку, она перестала плакать и стала есть утку.

– Сколько тебе лет? – спросила Тася, обжевав ножку.

– Двенадцать, – соврал Шаваш.

– Жалко, – сказала девица. – Если бы тебе было четырнадцать, ты бы мог меня пасти. Ты бы побил меня и этого парня, и сейчас у нас были бы деньги, а не вот это, – и девица показала на синяк под глазом.

– Я могу достать тебе деньги, – сказал Шаваш, – только ты должна сделать так, как я скажу.

– А что я должна сделать?

Шаваш помолчал.

– Завтра мы пойдем в Верхний Город. Ты скажешь, что ты моя старшая сестра и оставляешь меня в залог. Там есть человек, согласный меня купить.

Девица перепугалась.

– Шаваш, – сказала она, – что с тобой? Ты ведь даже от шаек держался в стороне! А теперь ты хочешь продать себя в рабство сильному человеку! Ведь у них же нет, как в шайке, устава, что можно и что нельзя: эти богачи творят что хотят!

Шаваш усмехнулся:

– Ты пойдешь и продиктуешь следующий контракт: я, Тася, получаю пятнадцать ишеви-ков в долг и обязуюсь возратить их сполна и без процентов не позднее, чем через три месяца. Поручительством своей доброй воли оставляю у займодавца младшего брата Шаваша, около одиннадцати лет, каковой Шаваш, буде долг не будет выплачен семнадцатого числа третьего от ныне месяца, обязуется начать выплачивать его своей работой.

Тася слушала.

– Не забудь, – сказал Шаваш, указать: «буде долг не будет выплачен семнадцатого числа». Если этой строчки нет, то я становлюсь рабом сразу же, а если она есть, то я им стану только

через три месяца. Нотариус может попытаться опустить эту строчку, но ты слушай и смотри на меня. И еще: ты напишешь, что взяла пятнадцать ишевиков, а тебе выдадут двенадцать. Про остальные три ишевика только пишется, что их дают. Если бы дело было при Золотом Государе, когда проценты были разрешены, тебе бы дали двенадцать ишевиков и написали бы: под двадцать процентов, но так как теперь тот, кто берет проценты, торгует временем, то, чтобы их брать, поступают так, как я тебе рассказал. Только смотри, Тася: не хвастайся, что у тебя есть двенадцать ишевиков, потому что нынче честных людей меньше, чем воров, да и честные люди тоже немножко воров.

– Ба, – сказала девица, – откуда ты все знаешь?

– От Исмана Глупые Глаза.

Девица вздохнула.

– Какая разница, – сказала она, – есть строчка или нет? Откуда ты возьмешь пятнадцать золотых через три месяца? Большие люди делают с маленькими людьми все, что хотят.

– А откуда берутся большие люди? – спросил Шаваш.

Девица, зная Шаваша, заподозрила, что он что-то задумал, но Шаваш, конечно, ничего ей не рассказал: ни о своей находке, ни о том, как он подслушал сцену в суде, ни о том, как он подслушал разговор Нана с Андарзом. Вы, конечно, изумитесь, каким это образом можно подслушать разговор в беседке, окруженной со всех сторон воздухом и вспаханной землей?

Но дело в том, что у Шаваша имелся амулет в виде четырех лисьих лапок. Эти амулеты обладали такой магической силой, что превращали вора в лисицу и позволяли ему пробираться в самые неожиданные места. Но, к сожалению, у Шаваша был не настоящий амулет, из высушенных лисьих лапок, а поддельный, из деревянных. Поэтому Шаваш, конечно, не сумел превратиться в лисицу. Зато он встал на эти лисьи лапки и прошел по вспаханной земле, оставляя после себя лисий след. Он забился под фундамент и, таким образом, все слышал. Он, можно даже сказать, предвосхитил некоторые наблюдения молодого чиновника: так, ему сразу бросилось в глаза, что вор, похитивший письмо, был не из простых, так как ни сам Шаваш и никто из его знакомых не имели возможности разменять банкноту в пятьдесят тысяч ишевиков.

Эта сумма казалась Шавашу такой большой, что он даже не воспринимал ее как цифру, а только как картинку. Ведь он сам себя собирался завтра продать за двенадцать ишевиков, и то, по правде говоря, это была еще очень великодушная цена.

Поэтому Шаваш даже и не думал показать кому-либо из знакомых хоть краешек банкноты. Он понимал, что дело кончится тем, что у него выпытают все деньги, а его самого бросят в ту же речку, что и покойника Ахсяя.

Эту ночь Шаваш спал сладким сном. Ему снились красные ворота, через которые входят крупные чиновники, и шишка ворот упиралась прямо в небеса.

Ворота были распахнуты, и никого, кроме Шаваша, перед ними не было. Но, однако, что это за времена, когда через ворота, предназначенные для чиновников девятого ранга, ходят осуйские торговцы!

Глава третья, в которой маленький Шаваш знакомится с домашними господина Андарза, а мы знакомимся с грустной историей эконома Амадии

Наутро Шаваш и Тася явились к белым воротам Андарзова дворца. Домоправитель Андарза оформил ссуду. Все сошло как по маслу, – только Тася получила не двенадцать, а одиннадцать ишевигов. Домоправитель Андарза по имени Амадия взял Шаваша за шкурку и увел в усадьбу.

Дворец господина Андарза издавна принадлежал императорским наставникам. Дороги и дорожки, ведущие к главному дому, были посыпаны золотистым песком, смешанным с благовониями. Среди цветущих кустов бродили барасинги с золочеными рожками, и за кустами мелькали флигеля для гостей и жилища для богов. Некоторые из них были соединены с главным домом крытыми дорогами.

Вообще в этой усадьбе небо было значительно ближе к земле, чем в других местах столицы, не считая, разумеется, самого государева дворца.

В нише у главного входа стояли два каменных человека, в длинных синих одеждах и с каменными лентами в руках. На одной ленте было высечено «Стою по поручению господина Андарза». На другой: «Зорко наблюдаю за входом и выходом». Шавашу это не очень-то понравилось. Господин Андарз был колдуном, и вполне возможно, что за этими статуями водились какие-нибудь дьявольские штуки: или они разгуливали по ночам, а может, даже воровали кур, если были голодны.

Эконом Амадия провел Шаваша в обеденную залу и показал ему большие песочные часы. Они походили на две соединенные доньшками чашки для вина.

Перед часами стоял золотой поднос, заполненный фигурками крестьян и ремесленников. Каждый час песок пересыпался из одной чашки в другую. Когда нижняя воронка наполнялась и нажимала своим весом на пружинку, золотые фигурки на подносе начинали двигаться и кружиться: плотник махал топором, прачка окунала белье в колоду для стирки, на высокое золоченое окошко, прямо к груди выглядывавшей из окошка девицы, вспархивала птичка с рубиновыми глазами и начинала ворковать, а над окошком выскакивала картинка, изображающая наступившую стражу: Час Меда или, к примеру, Час Скорпиона. Ночью время, разумеется, останавливалось.

Шаваш сразу понял, что это какое-то не очень квалифицированное колдовство, потому что если бы колдун знал свое дело, он бы велел, чтобы не только фигурки вертелись, но и чашки переворачивались сами собой. Во дворце государя были даже блюда, которые наполнялись сами собой, и кубки, которые подлетали ко рту, но это были священные предметы государства, и у Андарза их быть не могло.

Домоправитель Амадия сказал, что в обязанности Шаваша входит присутствовать на обеде и по просьбе господина Андарза почтительно называть часы и минуты. В остальное время Шавашу вменялось разносить по городу короба с подарками, которые посылали друг другу важные чиновники, и ничего из этих коробов не красть.

Домоправитель ушел, а Шаваш остался при часах. У него даже ногти вспухли от любопытства. Он снял алтарный камень и увидел внизу колесики, похожие на те, которыми крутят мельницу, только гораздо меньше. Шаваш страшно удивился. Он никогда не знал, что колдуны используют в своем деле мельничные колеса. Вскоре нижняя чашка наполнилась, нажала на пружинку, колесики задвигались, фигурки заплясали. Колесики двигались совсем не так, как плясали фигурки. Изнутри было видно, что прелестная девица, выглядывающая из окошка,

состоит из одной головы с грудью и двух колесиков. Шаваш пустил за золотое блюдо хомячка Дуню, и тот заметался среди золотых истуканчиков.

Шаваш обернулся и заметил, что на него, уперев руку в толстый бок, смотрит домоправитель Амадия, и на лице у него странное выражение.

– Господин домоправитель! – спросил Шаваш. – А почему часы надо переворачивать руками? Ведь то же колесико, что движет фигуры на алтаре, может переворачивать и сами чашки!

Домоправитель дал Шавашу затрещину и сказал:

– Так положено по древним предписаниям. Устав государя Иршахчана предусматривает на этой должности человека, а не колесико!

После этого домоправитель отослал Шаваша на кухню.

Сам же Амадия выскочил из главного дома и побежал по тропинке, похожей на ручеек из золотого песка, туда, где в глубине сада тек Оранжевый источник, каждый глоток воды из которого, согласно одной старинной книге о достопримечательностях столицы, снимал по греху. Амадия так запыхался, что стал на колени и начал пить из источника. Посторонний наблюдатель сказал бы, заметив, как жадно пьет Амадия, что у этого человека на душе множество грехов. Но Амадия был человек образованный, то есть почитал предрассудком существования не только источника, который снимает грех, но и самого греха. Он пил из источника только потому, что у него пересохло во рту.

Итак, Амадия напился, а потом сел на скамейку у ручья и стал глядеть на сад. Перед господином Амадией на ветке сидела птичка с рубиновыми глазами и шелковыми перышками. Амадия снял птичку с ветки и стал рассеянно подкидывать ее в руке. Птичка не сопротивлялась, потому что была собрана из зубчатых колесиков и обрезков шелка, – это он, Амадия, ее и собрал, как и часы в зале.

Амадия был страшно рассержен словами мальчишки и позавчерашним указом Нарая, перечислявшим три вида лентяев: торговцев, изобретателей машин и ярмарочных кривляк. «Даже маленькие рабы понимают то, что не понимает господин Нарай, – думал Амадия, – Великий Вей! Завтра же напишу письмо в Осую! Надобно выпороть этого мальчишку и любой ценой выбираться из этой страны.»

* * *

Домоправитель Андарза, Амадия, был человек низенький и жирный, как сурок. Черные его волосы росли со скоростью бамбука, и вся грудь и руки у него были в этих волосах. У него были нежная, цвета вяленой дыни, кожа, воспаленная от постоянного бритья, грустные серые глаза, формой напоминающие рыбу тунца, и нос пуговкой. Домоправитель Амадия все время задирает эти глаза к небу, молился и вздыхал. Как и у всех жадных до прибыли людей, молитвы его отличались большим святотатством.

Десять лет тому назад господин Амадия был чиновником строительного ведомства, подавал блестящие надежды, привлекал к себе благосклонные взоры. Государыня Касия, изумившись его таланту, поставила его во главе строительства подземных ходов в Небесном Дворце. Выше него были только Андарз и сама государыня.

В это время его звали не Амадия, а Амасса, и он пел перед рабочими и махал руками, и он никогда не бил людей, если они не были в чем-то виноваты, и ни один виноватый не умер под его плеткой.

За неделю до окончания всех работ господин Андарз позвал к себе молодого чиновника и показал ему распоряжение государыни. Государыня Касия, для соблюдения безопасности и тайны, приказывала убить всех строителей, и господин Амасса был особо отмечен, за ненадежную веселость и за страсть к выдумке и машине.

Молодой чиновник заплакал, закрываясь рукавом.

– В этом деле не будет строгой отчетности, – промолвил господин Андарз. – Почему бы нам не представить какой-нибудь другой труп вместо вашего? А вы бы пережили несколько лет у меня.

Так Амасса стал не Амассой, а Амадией. Амадия, конечно, не мог быть чиновником. Поначалу он укрывался в одном из дальних поместий Андарза. Он плакал, как подбитый гусь, и дни проводил над чертежами, а ночами наблюдал звезды. Он ни разу не осмелился выйти из флигеля днем, и три года он ничего не видел, кроме звезд. Он плакал так часто, что ему все время приходилось перерисовывать чертежи. Зато ему не нужно было солить суп.

Однажды ночью он наблюдал во флигеле звезды и по расположению их увидел, что государыня Касия умерла. «Какое несчастье! – подумал Амадия, – государыня была великой императрицей! Птицы не смели нести яйца без ее указа, венчики цветов склонялись перед ее наставлениями! А сын ее, государь Варназд? Говорят, он ни разу не дочитал до конца указов, на которых стоит его подпись! Что будет с империей?»

И Амадия горько заплакал.

После смерти государыни Касии Амадия стал выходить из флигеля при дневном свете, и постепенно все дела, касающиеся вассальных фабрик и заводов наставника, сосредоточились в его руках. Он распоряжался всеми купцами, прибежавшими к покровительству Андарза, управляющими инисских рудников, ткацких фабрик в Чахаре и баданских поместий, – а поместий у Андарза было много, одного только меду Андарз продавал в год на полтора миллиона.

Пока Амадия сидел во флигеле, душа его умерла, и он стал глядеть на мир глазами прибыли. Стоило ему посмотреть на пустой кусок земли, и он тотчас прикидывал, сколько на нем вырастет кунжута. Стоило ему посмотреть на покосившийся амбар, и от приходил в такое волнение, как будто этот амбар покосился у него в сердце. Стоило ему посмотреть на водопад, и он думал, как бы приделать к водопаду столярный станок. Дай ему волю, он бы все в природе разодрал и сшил по-правильному, а может, и не сшил бы – не успел.

Он всегда жалел, что, когда боги кроили мир, Амадии не был у них в советчиках.

Амадия также убедил Андарза отдать ему кусок земли на правой стороне канала, пожалованный государем наставнику под сады и пастбища, и возвел там кирпичный сарай со станками, за которые посадил сначала десять, а потом сто рабов. Теперь Амадия жил и ночевал в этом поместье, там же принимал вассальных купцов и заключал договоры. Каждый раз, когда Андарз узнавал, что Амадия опять его обокрал, Амадия подносил ему какую-нибудь игрушку, механическую птичку или часы, и поэтому дом Андарза был полон этих диковинок.

Эконом был человек нервный и издерганный, со времени его трехлетнего дрожания во флигеле у него появилась странная привычка: он имел обыкновение собирать и выхаживать в своей комнате маленьких птичек, а выходя, напускал на них дневную сову.

* * *

Едва домоправитель ушел, Шаваш встряхнулся, повел носом, сунул под мышку хомячка Дуню и вышел в коридор. Где-то за окнами звенели голоса слуг, по ту сторону гостиной били молотки. Шаваш пошел на звук молотков и вскоре пришел к красивой комнате с разобранным полом: под полом начинался этакий кирпичный лабиринт, уходивший под соседние стены. Двое рабов в набрюшных юбочках, синей и желтой, ломали остатки пола.

– Мир вам, – сказал Шаваш.

– Ай-ай-ай! – закричал раб в синей юбочке и уронил молоток себе на ногу.

В этот миг часы в обеденном зале очнулись и стали бить час Треножника. Раб в желтой юбочке оглядел Шаваша, пнул своего напарника в бок и сказал:

– Ты что, сдурел? Разве привидения появляются в час Треножника? Привидения ходят только в полночь и в полдень. Это какой-нибудь новый раб.

Шаваш подтвердил, что он, точно, новый раб, и поинтересовался, что это за строение под полом: неужели господин Андарз разводит морских свинок?

Желтая юбочка сказал, что это отопление. В холодные месяцы в доме топят печь и пускают в лабиринт теплый воздух. А в теплые месяцы слуги наловчились разводить в подполах морских свинок и торговать ими на базаре.

Андарз дознался об этом и закапризничал, уверяя, что морские свинки шуршат и мешают ему сочинять стихи. Тогда эконо́м Амадия предложил обогреть дом теплой водой в трубах, а отопление под полом засыпать щебнем и песком.

– А я так скажу, – промолвил раб в синей юбке, – что ни черта этот щебень не поможет, потому что в этом доме под полом шуршат вовсе не морские свинки.

– Это точно, – сказал желтый, – не думаю, что этот щебень будет сильно мешать тем, кто ночью тут шуршит под полом.

И пощупал Шаваша, чтобы убедиться, что Шаваш все-таки не привидение.

* * *

Дом господина Андарза был выстроен в два этажа, если не считать высокой башни в саду, соединенной с домом крытой дорогой. За парадными залами начиналась галерея, поддерживаемая тонкими столбами, покрытыми лаком, яшмой и черепаховыми щитками; галерея выводила во внутренний дворик с прудом и фонтаном. По три стороны дворика располагались маленькая столовая, баня и жилые комнаты. Из столовой крытая дорога на втором этаже вела в женские покои, а если свернуть направо, то там был устроен другой дворик, облицованный мрамором и агатом-моховиком. К нему выходил кабинет господина Андарза и его доверенных лиц.

Надо сказать, что дом господина Андарза был очень богатый дом, и в то время в богатых домах было не принято закрывать кабинеты секретарей и прочих «малых господ» на ключ. Вместо этого по ним прокатывали восковую печать. И вот, когда Шаваш добрался до дворика с агатом-моховиком, он увидел, как из самого дальнего кабинета вышел, озираясь, изящный человек лет тридцати, запечатал дверь кабинета печатью, похожей на огурец, и – убежал по лестнице вверх.

Заинтересованный Шаваш подошел к двери, изукрашенной золотой и серебряной канителью, и такой красивой, что если бы для небес понадобилась дверь, то, наверное, приспособили бы эту. «Наверное, кабинет Андарза», – подумал Шаваш: а господин Андарз был во дворце.

Шаваш толкнул дверь: печать разорвалась, мальчик вошел внутрь.

Кабинет был весь затянут зеленым шелком с рисунками, изображавшими победы Андарза, и в углу кабинета, там, где обыкновенно в комнатах располагалась полка для домашних богов, на особой подставке лежал обнаженный двуручный меч. Меч был ростом с Шаваша; у него было голубоватое лезвие, гладкое, как кожица сливы, если не считать желобка посередине, и длинная рукоять, обтянутая черной кожей. В широкую гарду между рукоятью и лезвием были вплетены нити серебра и четыре больших рубина, похожих на лужи крови.

Перед мечом, в курительнице, Шаваш заметил пепел от сожженных жертвенных денег, а рядом с мечом стоял здоровенный ларь.

Кроме меча, в кабинете было ужасно много книг. Толстые их переплеты сверкали мертвыми зрачками драгоценных камней, и книги взбирались друг на дружку так высоко, что по ним можно было добраться до пухлого солнца, нарисованного на потолке кабинета. Посере-

дине кабинета стоял стол с малахитовыми уголками, и вокруг него – три или четыре шелковых стула. Чуть поодаль стола, на возвышении, стояло кресло.

Мальчик понял свою ошибку. «Это кабинет не Андарза, а одного из рабов, – подумал он. В кабинете Андарза кресло, предназначенное для господина, стояло бы за столом».

Шаваш влез на стол и снял одну из книг с рубиновыми глазами. Это была «Книга тысячи превращений», трактат по черной магии. Шаваш сунул книгу на место, спрыгнул с кресла и подошел к ларю с тяжелой нефритовой крышкой. Миг – и Шаваш выудил из рукава инструмент, из числа тех, что не перечислены в государственном перечне для цехов.

Шаваш вставил отмычку в дырочку на сундуке, пошевелил ей и с трудом поднял крышку. В сундуке лежала пачка отчетов на бумаге с красным ухом, брусок серебра и секира на длинной-длинной ручке.

Под секирой стояли две банки из стекла, и каждая банка была закрыта крышкой с дырочками. В углублении на доньшке была вода. В одной банке были серые мыши, а в другой – белые. Корма в банках не было. Из белых мышей одна уже подохла: серые бегали довольно шустро.

Шаваш осторожно просунул в ящик палец и провел им по синеватому краю секиры, похожему на полумесяц. Щечки у секиры были выложены серебром, и с другой стороны рукоятки имелся стальной зубец, формой напоминающий ласточкин клюв. В конце клюва застыла недавняя кровь, и к лезвию секиры прилип кусочек птичьего пера. Рукоять секиры была покрыта серебром и напоминала клубок сверкающих змей, свернувшихся вокруг пустого пространства для рук. Шаваш никогда раньше не видел такой вещи.

Шаваш так засмотрелся на секиру, что едва не пропустил легкие шаги снаружи и сверху. Шаваш мигом захлопнул крышку ларя и выскользнул наружу. В тот самый миг, когда человек спустился с наружной лестницы и увидел мальчишку у закрытой двери кабинета, Шаваш сложил перед дверью молитвенно руки, – и распахнул ее. Человек ахнул, прыгнул и схватил негодника за шкирку.

– Ты кто такой, – сказал он, – и что ты здесь делаешь?

Шаваш пискнул, поджал ножки и стал болтаться в огромной руке, как червяк на удочке. Человек отпустил его. Шаваш встряхнулся, обиженно помотал головой и указал на бывшую с ним корзинку.

– Меня сегодня купили, – объяснил Шаваш. – И я пошел поблагодарить хозяина, потому что у нас в деревне всегда учили приносить благодарность. Но я вижу, что я глуп и сделал что-то не то.

– Хозяина? – усмехнулся человек, – это мой кабинет. Я начальник охраны господина Андарза, Шан'гар.

Букву «г» в своем имени Шан'гар произнес удивительно странно, не то щелкнул, не то крикнул, так что вышло что-то вроде «гх» или вообще «гкх»; волосы его были огненно-рыжие, как лепестки горного мака, и лицо его было все время совершенно неподвижным. Эти три признака мгновенно дали понять Шавашу, что он имеет дело не с коренным вейцем, а с варваром, аломом или ласом. Чиновники ничего не имели против варваров, коль скоро те получали образование и должность, но вот в Нижнем Городе таких людей считали ниже себя, – потому что даже если ты из Нижнего Города, надо же тебе кого-то считать ниже себя. «Ага», – понял Шаваш про меч с рубиновыми лужицами.

А огромный варвар показал на печать на двери и сказал:

– Ты зачем разорвал печать? Никто, кроме хозяина, не должен первым входить в кабинет, потому что тогда духи, живущие в документах и отчетах, набросятся на вошедшего и убьют.

Шаваш перепугался и спросил:

– Неужели в отчетах живут такие гадкие духи?

– Гадкие духи, – пояснил Шан’гар, – живут только в несправедливых отчетах. В справедливых отчетах живут хорошие духи.

Шаваш подумал и сказал:

– А зачем тогда вы пишете несправедливые отчеты?

– А вот когда ты станешь чиновником, – сказал Шан’гар, – иди и попробуй писать справедливые отчеты.

С этими словами варвар собрал Шаваша в ладонь и легонько пихнул его в сторону так, что мальчишка, пискнув, пролетел по дворику, ударился о цветущий куст азалий, обернулся, поклонился – и со всех ног бросился прочь.

* * *

В час Императора господин Андарз появился в зале.

За стол село шесть человек.

Господин Андарз, в длинном синем одеянии, перехваченном тисненым поясом с серебряной застежкой, сидел во главе стола. Господин Нан, вчерашний чиновник из Четвертой Управы, сидел на резном сиденье для гостей по правую руку хозяина. По левую руку Андарза сидел его сын: это был высокий юноша лет пятнадцати, с тонкой шеей и коротко остриженными русыми волосами. Лицом он совсем не походил на Андарза, но в манере приподымать уголки бровей и поглаживать во время разговора подбородок удивительно напоминал отца.

Кроме этого, за столом сидели трое домашних императорского наставника, и это было довольно необычно. Хотя государь Иршахчан и отменил частную собственность, личные слуги сановников обыкновенно бывали у них в частной собственности, – то есть, проще говоря, в рабстве, – а многие ли будут сажать свою частную собственность за стол с собой?

Но господин Андарз, как мы уже сказали, доверял своим людям, и частенько случалось, что он обедал со своими рабами, в то время как высокопоставленные чиновники протирали подметки в приемной.

Прямо напротив господина Андарза сидел огненно-рыжий варвар Шан’гар, родом из западных ласов. Это был человек огромный, как медведь. Пальцы левой его руки были сведены и покалечены, и оттого она напоминала крабью клешню. Он был столь силен, что однажды, на спор, выдернул в саду из земли старое персиковое дерево. Как и множество очень сильных людей, он был человек добродушный. И хотя Шан’гар умел все, что требуется от чиновника – то есть писать, считать и сочинять стихи, – все же главные его обязанности касались личной охраны Андарза.

Справа от Шан’гара сидел черноволосый домоправитель Амадия. У Амадии было маленькое усталое личико и необъятный живот. К еде он питал необъяснимую страсть: что ни попадется ему на глаза, то он и тащил в рот, спокойно мимо куска пройти не мог. Оттого, что он был так толст, он казался довольно старым: на самом деле ему было немногим более тридцати, – зато он бы и через двадцать лет выглядел точно так же. Грустную историю его мы уже рассказали.

Слева от Шан’гара сидел личный секретарь господина Андарза, холеный, красивый чиновник лет тридцати с маленьким и совершенно бесстрастным лицом. Как и все люди с маленькими лицами, он казался еще моложе. На нем был щегольской синий кафтан с изображениями фениксов, резвящихся в садах. Брови у него были тщательно выщипаны, кончики пальцев выкрашены хной, и длинные завитые волосы его были тщательно вытравлены до пепельно-белого цвета, по распространенному среди столичных щеголей обычаю.

Звали его господин Иммани, и Шаваш мигом узнал в нем того человека, который утром лазил в чужой кабинет. Иммани скользнул взглядом по Шавашу, как по новой детали обста-

новки, и что-то проговорил сыну Андарза. Юноша вспыхнул и стал перебирать пальцами по кафтану, словно хотел вытащить оттуда блоху, – но возразить побоялся.

Андарз улыбнулся, завидев мальчишку.

– А, – сказал он, – ты здесь, маленький лисенок? – и, обращаясь к Нану:

– Представляете, хотел вчера украсть утку для своей сестры, забрался в сад, да так и заснул в гроте. Забавный, впрочем, мальчишка.

Серые глаза молодого гостя задумчиво сощурились, и он внимательно оглядел Шаваша.

– Ленивый мальчишка, – сказал эконо́м Амадия, – дерзок и не знает приличий. Его поставили возглашать время, а он тут же полез трогать механизм. Если всякий болван будет трогать механизм, то фигурки вообще перестанут двигаться!

– А, голубчик, – сказал Андарз, – куда же тебя за такую провинность деть? В ткачи отправить?

Шаваш надулся. Он слышал о мастерских в усадьбах, где рабы ткали и красили: ноги у них были кривые, глаза красные, и спали они, говорят, по три часа в день.

– Конечно, – сказал эконо́м Амадия, – у меня как раз нехватка в чесальщиках.

Андарз задумчиво глядел на мальчишку.

– Как нехватка? – сказал секретарь Иммани, – неделю назад было сорок человек.

– А он их кормит одними оплеухами. Потом из косточек варит клей и продает его в Осуе, для большей прибыли, – сказал начальник охраны Шан'гар.

– Глупый варвар, – возмутился домоправитель Амадия, – что ты понимаешь в хозяйстве и прибыли?

– А то и понимаю, – ответил Шан'гар, что однажды твои рабочие защепают тебя до смерти. Не в деньгах счастье. Правда, господин Нан?

– Правда, – сказал молодой чиновник, – деньги – это еще не все. Тот, у кого семь миллионов, вполне может быть несчастней того, у кого пять миллионов.

Андарз засмеялся.

За обедом господин Нан был душой общества, рассказал историю о чиновнике, который поймал беса, резвившегося среди отчетов, и о том, как духи-щекотунчики сняли под свадьбу дворцовый павильон Танцующих Лебедей, после чего в павильоне постоянно принимались неправильные решения: и так забавно изображал духа-щекотунчика, что даже застенчивый Астак раскраснелся от смеха.

– Да, кстати, – спохватился Андарз, – я слышал, позавчера господин Нарай разобрал вас за какой-то проект? Чем же он не понравился Нараю?

– Не знаю, – сказал Нан, – имею, однако, при себе копии...

И потянулся к папке.

– Вы с ума сошли, – сказал Андарз, – что я вам, Нарай, чтобы читать проекты? Хватит того, что иногда их надо подписывать.

Сын Андарза, Астак, перестал смеяться, и глаза его сделались, как у больной малиновки.

Уже подали дыню и фрукты, когда речь зашла об убитом чиновнике.

Господин Андарз всплеснул рукавами и приказал своему секретарю Иммани отправиться в Нижний Город, на улицу Белой Сирени, где жила вдова убитого чиновника.

– Возьми-ка у нее все бумаги мужа, – сказал Андарз, – и скажи, что я оплачу все расходы на похороны. Из-за неожиданной смерти дом и имущество могут быть востребованы казной. Пусть она пока переселится в какую-нибудь из моих усадеб, а я похлопочу об имуществе.

– «Ага! – подумал Шаваш, – а если она не отдаст бумаги, то останется без дома и без имущества».

Изящный секретарь потер рукою рот и сказал:

– Улица Белой Сирени, где это?

Все недоуменно переглянулись.

– Я знаю, где эта улица, – вмешался Шаваш от своих часов.

Андарз повернулся.

– Знаешь? Так иди с Иммани.

И пусть они пока идут на улицу Белой Сирени, а мы немного расскажем о господине Андарзе.

* * *

В то время, о котором мы ведем рассказ, императорскому наставнику Андарзу было тридцать восемь лет; это был крепкий, сильный мужчина с чистой кожей цвета топленого молока, темно-русыми волосами и гладким еще лицом, на котором странно сочетались веселые, жадные к жизни губы и отрешенные васильковые глаза.

Был он тонок и нервен, от беззаботности легко переходил к величайшей грусти. Бывало, заплачет ночью в кабинете, кричит секретарю седлать коней, ехать в монастырь, – вот кони уже готовы, Андарз, посыпав голову пеплом, летит по улице – а на улице трактир. Андарз соскочит с коня и бежит в трактир, глядь, – а он уже хохочет вместе со всеми.

Человек он был учености необычайной, но несколько странной. То вдруг примется изъяснять самую хитрую математику, то вдруг окажется, что он не знает семи причин падения последней династии, каковые причины, к слову сказать, под его же именем и были опубликованы: какой-то бедный чиновник умолил его одолжить труду свое имя.

Андарз слегка увлекался черной магией, был отличный полководец и тонкий поэт. Пять лет назад, подавляя восстание в Чахаре, утопил провинцию в крови. Возвращаясь в столицу по топким осенним дорогам, он написал цикл лучших своих лирических стихотворений о временах года.

Господин Андарз родился в годы, когда провинции не всегда внимали столице, и был младшим сыном наместника Хабарты. Юноша ни в чем не знал отказа, проводил дни на охоте и в отцовской библиотеке, был избалован и своенравен. Охотился он посереде развалин огромного города, в котором было легко подавлять бунты, так как жители разных кварталов жили слишком далеко друг от друга. Сплетничали, что он охотился не только на зверей, но и на людей и бесов.

Однажды во время народного праздника монахи били в колотушки перед городским богом, чтобы привлечь внимание бога к молитвам и еде. У Андарза болела голова, юноша послал сказать им, чтобы они замолчали. Монахи воспротивились, и тогда Андарз сжег городского бога вместе с колотушками, да еще и пригрозил сжечь монахов. Народ был возмущен.

Юноша плакал во время грозы и очень любил павлинов и голубей. Он упросил отца ввести специальный налог для содержания павлинов. Эти птицы ходили по всему городу, и если на человека доносили, что он обидел павлина, ему приходилось тошно. Дело в том, что Андарз собрал компанию сверстников, и они ездили по городу, привязав к поясу плетку, а к хвосту лошади – дохлую кошку, входили к людям, провинившимся против павлинов, и плеткой заставляли их съесть дохлую кошку. Кроме этого, они делали все, что хотели.

Когда Андарзу было шестнадцать, в город приехал инспектор из столицы и нашел, к своему изумлению, что должность наместника в Хабарте переходит от отца к сыну вот уже третье поколение. С инспектором было пять тысяч солдат, и его наблюдению было трудно воспротивиться. Население города разгромило старинную библиотеку и съело проклятых павлинов.

Отец Андарза был арестован и в клетке увезен в столицу. Припомнили ему все – и павлиний налог, и истребленного бога, и... черт знает что припомнили. Инспектор понаписал в обвинении, что наместник кормил павлинов человеческим мясом, хотел отделиться от империи и был привержен чернокнижию. Словом, наместника обвинили во всех злодеяниях, которые он совершал, и во всех, к которым он был непричастен.

Шестнадцатилетний Андарз со своей раскрашенной шайкой бежал в горы, и там друзья его бросили. Тогда Андарз отправился вслед за арестованным отцом в столицу. В столице он увидел, что дело его отца пропало. Император Меенун был очень сердит на тех чиновников, которые присваивали свои должности и передавали их по наследству, и, когда мог добраться до одного из них без кровопролития, радовался.

У Андарза не было денег, а если бы были, судьи побоялись бы их брать. Родственники его в столице сказали, что они из другой семьи.

И вот Андарз сел и написал стихи, в которых умолял императора о милосердии: Начинались стихи так: «Я плачу не о судьбе отца, а о том, что он заслужил ее. Справедливость требует казни, будь же несправедлив!»

Стихи понравились государю и народу, который стал распевать их на всех перекрестках: общественное мнение вдруг переменялось, все сострадали наместнику, попавшему из дворцовых палат в яму с водой. Император помиловал отца Андарза. Отец умер через три месяца от стыда и перенесенных в тюрьме пыток.

Юноша стал любимцем императора, получил несколько должностей на прокорм. Продолжал, однако, выкидывать такие штуки, что даже щитки на колоннах краснели, когда об этих проделках шептались раздосадованные чиновники. Однажды император все-таки выслал его из столицы – но воротил с полдороги. Другой раз накричал при всех на аудиенции. Андарз – ему был уже двадцать один, – отвечал, что повзрослел. «Конечно, повзрослели, – воскликнул в раздражении император, – три года назад вы разрушали семьи, уводя мужей от жен, а теперь вы вводите жен от мужей!»

Молодой Андарз стал влиятельным человеком: в его садах снова гуляли павлины, торговцы искали его покровительства, чиновники – знакомства, и множество карьер было разбито вдребезги его стихами, которые обожала столичная чернь.

Император умирал, и партия государыни Касии и партия наследника Харсомы обхаживали Андарза. Андарз был во всем согласен с партией Харсомы, пока Харсому не зарезали. После этого он написал государыне Касии поздравительную оду. Государыня хотела было арестовать его, но передумала и послала с войсками против одного из малых бунтовщиков, бывшего близким другом Андарза.

Государыня надеялась, что Андарз либо перейдет на сторону друга и его по этому поводу можно будет казнить, либо по избалованности погубит армию, и его можно будет арестовать по обвинению в предательстве.

Была уже зима: все дороги занесло снегом. Андарз вооружил солдат лопатами, и они в два дня после страшной метели разгребли путь до города, в котором из-за этой метели даже не выставили часовых. Чиновника, друга Андарза, привели к нему с веревкой на шее, и Андарз приказал зацепить эту веревку за самый высокий зубец городской стены.

Вскоре провинцию Хабарту захватили варвары-ласы. По этому случаю государыня Касия казнила того чиновника, который арестовал отца Андарза, и послала Андарза с войсками в Хабарту. Но, опасаясь, что Андарз употребит это войско для войны с правительством, а не с варварами, она дала ему всего пять тысяч человек.

В Хабарте в это время княжили три брата.

Прошло немного времени, – и средний брат узнал, что на землю его вторгся молодой чиновник, сластолюбец и развратник, и что он везет с собой триста пар шелковых штанов, без которых не может путешествовать, и вино из императорских кладовых. Варвар, не желая делиться такой добычей, побежал к Андарзу и напал на него у самой границы. Полководец и его солдаты разлетелись, как вспугнутые грачи, а невиданная добыча и вино достались ласам. Варвары вошли в лагерь и стали делить шелка и вино, в которое был подмешан сонный порошок, и упились страшно. Ночью Андарз вернулся и перебил всех варваров.

Король ласов как раз справлял десятидневный праздник, когда узнал о поражении брата. Праздник бросили, а воинов, сошедшихся на него, король повел на Андарза.

Андарз отступил за Бархатную Реку, и отступал в такой спешке, что даже не сжег за собой мост. Король, обрадованный такой трусостью, устремился за ним по тесному мосту, – но раньше, чем его войско на берегу выстроилось в боевые порядки, Андарз напал на него с двух сторон. Третью войска он убил, а третью утопил в реке.

После этого младший брат короля ласов, который как раз собрал армию, чтобы напасть на старшего брата, оборотился и повел ее против Андарза: но так получилось, что Андарз не стал дожидаться варваров по ту сторону реки, а перешел старую границу провинции, укрыл свое войско на горе и напал на варваров, когда они проходили под горой, в полной уверенности, что до Андарза – еще пять дневных переходов.

В честь этого события государыня Касия выбила серебряную монету, изображавшую Андарза, попирающего ногой шею короля ласов, так как именно это случилось с королем, пойманном в кустах после битвы.

Через месяц Андарз осадил приморский город Ханну; жители его были мирными людьми и сами наняли для защиты города ласов. Варвары же, увидев, что припасов в городе мало, и не желая сдавать город, собрали нанявших их граждан и выставили их за ворота. Андарз тоже не пустил горожан через свои ряды, и велел идти обратно.

Варвары тоже не пустили их внутрь, и так они жили между стенами и лагерем два месяца, пока не сдохли. Только в государев день Андарз приказал выдать каждому по сушеной рыбке. Андарз ничего не мог поделаться для этих людей, так как ему нужно было сделать из Ханны пример для других городов.

Но это еще что, подумаешь, уморить негодяев голодом, это и любой другой военачальник может сделать, если у него много войска и много времени!

А история, которая случилась с Андарзом и перешедшим на его сторону варваром Бар-Хаданом, которые пили вместе в шатре и допились до того, что стали хвастать друг перед другом храбростью? Слово за слово, дошло до дела, и вот они оба выбрались из лагеря, переплыли речку и взобрались на горку, где в старом складе ночевал отряд ласов. Вот они вдвоем перерезали спящих, но, так как они были пьяны, они перерезали не всех, и некоторые бежали и подняли тревогу. Ласы окружили горку и пошли на приступ, и Андарз с Бар-Хаданом спаслись только тем, что склад был набит бочками с маслом, – эти-то бочки, поджегши, храбрецы скакали с горки на варваров и ускользнули во время суматохи.

А чума, поразившая варварское войско? А поединок с покойником-королем ласов, поединок, когда призрак король уронил подкову, с помощью которой Андарз потом вызывал духов?! А когда от Андарза сбежал мятежный командир, и Андарз, не имея возможности добраться до его шеи, сжег на площади в присутствии всего войска чучело командира, и тот на следующий день заболел и умер?

В этой войне Андарз познакомился с банкирами Осуи: осуйские купцы скупали у него пленников и добычу и ссужали его деньгами, требовавшимися для платы наемникам, потому что государство Андарзу не платило.

Андарз выписал из столицы своих двух братьев, Савара и Хамавна, и поручил им замирение края. После этого Андарз, влекомый любопытством, а может быть, желанием основать царство, перешел границу и через шесть месяцев дошел до Желтого Моря: в его триумфальном шествии в столице участвовали народы, которые раньше были неизвестны в империи даже по имени. Государыня, однако, рассердилась: «Кто-де защищает империю у Желтого Моря?» – и отозвала Андарза в столицу.

Из этого похода Андарз привез так много золота, что оно подешевело на четверть по сравнению с бумажными деньгами. В этот год он заплатил все налоги столичных цехов, устроил на свои средства три больницы, и он объявил, что, если крестьянин из его имения придет

жаловаться на управляющего, он получит хлеб и деньги на все время его пребывания в городе, но будет бит соленым кнутом, если жалоба не подтвердится.

В это время государю Инану исполнилось восемнадцать лет, и мы уже рассказывали, какая неприятная история случилась с ним после того, как его превратили в барсука.

Первый министр Руш хотел, чтобы новым государем стал его трехлетний сын от государыни Касии, но государыня изволила ударить его по щечке и велела читать обвинительное заключение своему младшему сыну, десятилетнему Варназду. В обвинительном заключении про барсука не было сказано ни слова, и многие злонамеренные люди говорили, что государыня казнила вовсе не барсука, а... А, чего зря болтать языком! Народ любил государыню, и кукольники всегда рассказывали эту историю как «дело про подмененного барсука», а как кукольники рассказывают, так оно и есть.

Вот государыня заметила, что когда младший ее сын читал приговор, он запинаясь и читал по складам, а потом с ним и вовсе от волнения случился припадок астмы. Государыня всплеснула руками:

– Воспитанием ребенка преступно пренебрегли! Господин Андарз! В ойкумене нет человека, более сведущего в науках! Прошу вас стать наставником моему глупенькому сыну.

В это время кусочки господина Даттама, наставника старшего сына государыни, еще висели на Стене Предателей, и высокая эта должность была не так уж аппетитна. Прямо скажем, аппетитности у нее было меньше, чем у сыра в мышеловке. Андарз хотел было отказаться, ссылаясь на неразумие: но увидел слезы в больших прозрачных глазах Варназда и согласился.

Несмотря на то что маленький Варназд был теперь государем, он по-прежнему жил в Седьмом Павильоне. Во дворце были три волшебных предмета, принадлежавших государю Иршахчану: золотое блюдо, само передвигавшееся по воздуху, с которого государи ели на пирах, серебряная печать, которой повиновались птицы, звери, и боги, и бронзовое зеркало, в котором было видно все, что происходит в государстве. Все эти три предмета государыня забрала себе.

При дворе поговаривали, что государыня, выбрав в наставники сыну человека легкомысленного и безусловно развратного, надеялась, что мальчик унаследует все пороки Андарза без его талантов, но Андарз стал опекать мальчика, как утка – утенка. Он таскал ему сласти, а потом и еду: слуги, приставленные к Варназду, были так вороваты, что мальчик часто ложился спать голодным. Он проводил дни и ночи у постели государя: ребенок много хворал, а со страшного дня суда над братом страдал приступами астмы.

Как-то ночью мальчик стал рассказывать Андарзу, что он хочет сделать с первым министром Рушем, и Андарз в ужасе зажал ему рот рукой. Однажды, не зная, как выразить признательность, десятилетний государь переписал золотыми буквами стихи Андарза в книжечку и подарил ее наставнику. Государыня, услышав, залилась смехом, потому что не все стихи были пристойны.

Так прошло пять лет.

Государь плакал. У него появилась привычка бродить во сне, и однажды он во сне зашел к ловчим и задушил своего любимого сокола, видимо, подозревая в нем шпиона государыни Касии. Другой раз, желая доказать независимость, он стал есть во время аудиенции в зале Ста Полей персик и косточку бросил прямо в лицо наместника Кассанданы. Чувствуя пренебрежение придворных, швырялся мисками в слуг; а когда государыня отослала Андарза послом в Осю, припас ночной горшок и вылил его на голову свечного чиновника.

В шестнадцать лет государь затеял писать книгу об управлении страной, обложился необходимыми материалами. Государыня, услышав об этом, сказала:

– Вот и прекрасно. Пусть он пишет себе книгу, а править буду я.

Однако государь книгу забросил.

Государыня решила его женить. Желая, однако, показать свою власть над молодым государем и испытывая ревность, она вскоре после полуночи пришла в спальню молодоженов и раскудаhtалась на государя, что он еще не спит.

Государь настолько перепугался, что после этого по дворцу пошли разговоры, что он ничего не может поделать в женщине. Через год, однако, у одной из наложниц родилась девочка.

Государыня Касия опять косилась на сына. На рынке видели девятихвостого барсука. В городе расплодились маленькие красные зверюшки, – эти зверюшки рождаются от притеснений, чинимых простому народу, в последний раз их видели перед концом прошлой династии.

Первый министр Руш размышлял о том, что, если молодой Варназд умрет, государыня признает своим наследником маленького Минну, которого она родила от Руша, и, пожалуй, возьмет Руша замуж. Эти мысли неотступно терзали скверную душу первого министра. Ослепленный любовью к власти, он даже не видел, что женщина, которая не хочет делиться властью с сыном, наверняка не захочет делиться ею с любовником.

Однажды государыня собрала гостей в Синем Павильоне. Варназд, по обыкновению, сказался больным и вскоре ушел. И надо же было такому случиться, что в ту ночь в зале обвалился потолок! Задавило нескольких гостей, ранило государыню Касию, а Руш, налитой по ушки вином, испуганный, закричал: «Заговор», – и побежал в покои государя.

Андарз в это время сидел с государем. Выйдя посмотреть, что случилось, он увидел за бронзовыми решетками пьяного Руша с десятком стражников. Андарз спросил, в чем дело, и Руш принялся на него вопить. «Уж не хотите ли вы арестовать государя по обвинению в заговоре, или вы намерены убить его в постели?» – справился Андарз.

Руш закричал ему, чтобы убирался прочь, если не хочет быть повешенным. Тогда Андарз выдрал из двери бронзовый прут и заметил, что всю компанию, верно, поили хорошим вином, а вот не хотят ли они отведать на закуску бронзового прута, и охотников до такой закуски почему-то не нашлось.

Когда Андарз вернулся в государеву спальню, Варназд полюбопытствовал, что там за шум.

– Это сбежала обезьянка старшего садовника, – сказал Андарз.

На следующее утро государыня выбрала Руша за самоуправство, а Андарза посадила под домашний арест за порчу бронзового прута.

А восемь месяцев назад государыня простудилась на паломничестве к Голубым Горам и умерла.

Словом, Андарз имел все основания рассчитывать на любовь молодого государя Варназда – если бы молодой государь когда-нибудь кого-нибудь любил.

Глава четвертая, *в которой вдова покойника обвиняет Дануша Моховика в убийстве, а Шаваш беседует с посетителями кабачка*

Изящный секретарь Иммани был очень недоволен, что Андарз послал его в Нижний Город, и так как Андарза побить было нельзя, а Шаваша можно, он по дороге дал Шавашу две затрешины. Никакого другого желания к общению с маленьким рабом он не проявил. Вообще Иммани имел обыкновение оскорбляться, когда ему давали в товарищи всякую дрянь, а так как, по мнению Иммани, это происходило каждый день, то он и ходил постоянно обиженным.

Через час Иммани и Шаваш остановились перед длинной стеной сырцового кирпича. Под стеной, в вонючей канавке, бежала вода. Прямо из склона канавки росла чахлая вишня, и несколько тыквенных плетей облепили ржавую калитку.

Вокруг царил обычный гомон: занавеси на лавках были распахнуты, – лепешечник оттискивал на сырых лепешках печать, в знак того, что имеет лицензию на ремесло, – за ним дышали жаром горлышки печей, чуть подальше, в лавке мясника, резали свинью, и женщины уже собрались вокруг, споря о лучшем куске. Перед калиткой стоял зеленый столб со славословиями государю. В такое – весеннее – время года давно уже было пора перекрасить столб из синего зимнего в красный летний цвет. За воротами виднелись изогнутая, как лист антурии, крыша домика. Чиновник и Шаваш вошли внутрь.

– Не стоит ли сначала поговорить с соседкой? – спросил Шаваш.

Иммани дал Шавашу третью затрещину и постучал в дверь.

Вдова, услышав о смерти кормильца, опрокинула таз с бельем и заголосила. Иммани принялся ее утешать. Шаваш тихо выскользнул на улицу, прошел два дома и поднялся на веранду для еды: двое красильщиков с ногтями цвета индиго сидели на циновке вокруг бревна, и толстая хозяйка жарила на прутиках карасей.

– Эй, – сказал Шаваш хозяйке, – госпожа Ния просит вас помочь уложить ей вещи.

Женщина всплеснула руками.

– Ишь, – сказала она. – Добилась своего. Я ей всегда говорила: «Убег! А то ведь убьет его Дануш, и пропадете оба!» А та: «Никуда я не убегу, получу развод и приданое!» Стало быть, добилась своего: а уж как она его ненавидела!

– Да, – сказал один сапожник, – скверное это дело. Три жены – это на три больше, чем нужно.

– А я думаю так, – сказала хозяйка. – Хочешь одну жену – бери. Хочешь вторую – бери. А приказчиков из жен делать нечего, потому что богатство, собираемое ради богатства, а не добрых дел, непременно приносит несчастье.

– А что, – сказал Шаваш, – госпожа разве не единственная жена?

– Нет, – буркнула трактирщица. – У него три лавки: одна в столице, другая в Осуе, третья в Хабарте. Он то тут, то там. А кому смотреть за лавкой в его отсутствие? Он пожадничал завести себе приказчика, купил трех жен.

В этот миг в харчевню взбежал человек лет сорока, косматый как баран и смуглолицый, в синей куртке с красным кожаным воротом, какую положено носить красильщикам. Черные волосы его были скручены в пучок, и в пучке красовалась заколка в виде медной рыбы.

– Эй, Дануш! С тебя, – сказал один из сапожников, – угощение!

А хозяйка добавила:

– И чем это ты уговорил Ахсая? Кулаками?

– Чего это? – удивился косматый. – Я его не видел.

Все стали смотреть на Шаваша.

– Сударыня, – смущенно пролепетал Шаваш, – вы не так поняли. Господина Ахсая позавчера ночью зарезали у Синего Моста. Мой хозяин, государев наставник Андарз, сочувствуя горю вдовы, покупает для нее новый домик, а до совершения погребальных церемоний предлагает ей приютиться в его ничтожном жилище.

Все стали глядеть на косматого.

– Чо-чо, – сказал косматый, – не видел я Ахсая, слышали?

Когда Шаваш вернулся в казенный домик, вдова все еще безутешно плакала.

Секретарь Иммани поклонился и сказал:

– Ваше горе, вижу я, слишком велико, чтобы покинуть этот домик немедленно. Вот вам деньги на переезд и на сборы. Сумеете ли вы сами нанять носильщиков?

Вдова, всхлипывая, согласилась, и Иммани, морщась, вышел на улицу.

– Господин, вот сюда! – кланяясь, запищал Шаваш. Иммани дал мальчишке затрепину и сказал:

– Я и сам знаю дорогу обратно. Образцовый чиновник никогда не забудет того, что было показано ему один раз.

И зашагал впереди.

Шаваш незаметно отстал от него за углом и, как белка, сиганул через беленую стену сада. Прошло меньше времени, чем надобно, чтобы сварить горшок каши, – Шаваш подобрался к окну, раздвинул нити в навощеннй ткани и стал смотреть.

Вдова, плача, собирала вещи.

Потом в глубине дома хлопнула дверь, и мужской голос произнес:

– Куда собралась, сука!

Женщина обернулась и подскочила.

– Ах ты дрянь, – сказала она, – ты его и убил!

– Как же я его убил, – возразил косматый, – когда его убийцу уже арестовали? Или ты думаешь, что государевы чиновники арестовывают невинных?

– Знать ничего не знаю, – заверещала женщина, – я тебе сказала, что он в «Красной тыкве», ты пошел за ним в «Красную тыкву», он тебе отказал, а ты подстерег его и убил.

– Слушай, женщина, – сказал косматый, – его не было в «Красной тыкве». Я пошел туда, а его там не было.

– Ври больше, Дануш Моховик! – зашипела вдова, – ты его убил, ты его и обобрал! При нем деньги были: отдавай деньги!

– Ага, – сказал косматый, – ты, я вижу, избавилась от мужа, а теперь хочешь избавиться и от меня? Это ты к кому собираешься?

– К господину Андарзу, – сказала женщина, – я эту неделю буду плакать над телом мужа, чтобы он не заподозрил неладного. Или ты не можешь подождать неделю?

– Ага, – сказал косматый, – теперь вижу. А что он с тобой будет делать эту неделю?

– Дурак, – сказала женщина, – нужна моя ступка андарзову песту. Он, если хочешь, отослал из столицы всех своих жен по настоянию госпожи Линны! Господин Андарз хочет посмотреть деловые бумаги моего мужа. И когда он посмотрит на дневник моего мужа, он купит мне два домика.

– Почему это? – удивился косматый.

– Видишь ли, – объяснила женщина, – мой муж торговал с Осуей шелком, а шелк ему давал господин Андарз.

– Как – торговал? – изумился косматый.

– А ты не знаешь, как торгуют? – усмеялась женщина. – Но это что! Ты не представляешь, и Андарз не представляет, какие дела творил этот человек! Он начал с того, что, будучи начальником морских перевозок в Кассандане, сжег, по настоянию осуйского купца Айр-Незима, казенный корабль, груз которого составлял Айр-Незиму конкуренцию. Айр-Незим

заплатил ему большую взятку, а потом обнаружил, что муж, перед тем как сжечь корабль, вывез и продал его груз другому купцу из Осуи! А потом, когда Андарз за него заступился и дал ему должность пустого чиновника, – он вытворял такое! Обладая мандатом чиновника империи, он заплывал в завоеванные варварами земли и говорил бедным крестьянам, что получил приказ отвезти их в Страну Великого Света! А потом он сажал их на корабли и продавал на сахарные плантации осуйцев!

Мужчина всплеснул руками.

– И все это он описал в своем дневнике?

– Описал, и сопроводил документами! Представляешь, сколько денег заплатит Андарз, чтобы иметь этот дневник?

– Дура, – сказал мужчина. – Если ты принесешь Андарзу этот дневник и документы, он, пожалуй, отберет его у тебя да и убьет, как маленького Минну! Отдай-ка их мне!

– И не подумаю! – заявила женщина.

– Шлюха! – крикнул косматый.

– Убийца, – взвизгнула вдова.

Тут косматый схватил вдову и начал рвать на ней волосы, а та орудовала доской с желобками, которой гладят белье, и оба они подняли такой шум, что Шаваш в испуге отскочил от окна. Драка продолжалась изрядно долго, а потом начались вздохи и всхлипы. Шаваш заглянул в окошко и увидел, что ссора давно кончилась, а мужчина лежит на женщине, и оба они вполне довольны. Шаваш поглядел-поглядел на них, а потом поскакал прочь из сада, решив, что сейчас самое подходящее время для того, чтобы убраться незамеченным. «Однако, – подумал Шаваш, – может быть, среди этих документов есть и тот, за который Андарз собирался отдать миллион! Как бы отобрать у него документы?»

* * *

Выйдя от Андарза, молодой помощник судьи Четвертой управы господин Нан поспешил в Небесную Книгу, – главный архив ойкумены, в котором хранились сведения обо всех чиновниках ойкумены, бывших, настоящих и будущих. Впрочем, последние были записаны чернилами, невидимыми для смертных.

Нан запросил в архиве сведения обо всех близких императорского наставника: о начальнике охраны Шан'гаре, секретаре Иммани и домоправителе Амадии, а также копию документов по делу об ограблении, которому секретарь Иммани подвергся в Козьем Лесу три месяца назад, – эти документы должны уже были прийти в архив. Подумал и прибавил к ним сведения о молодом сыне Андарза, Астаке. После этого он отправил в управу записку одному из своих сыщиков: составить перечень харчевен, в которых бывал покойный Ахсай, и проследить за его вдовой, и выяснить у вдовы и знакомых, часто ли Ахсай встречался с Иммани.

Пепельно-белый секретарь, с его манерой вихлять бедрами и строить глазки, был Нану очень неприятен. Он припоминал, что, вроде бы, этот секретарь был любовником брата Андарза, Савара. Савара убили варвары, и Андарз взял молодого чиновника к себе.

Сведения для господина помощника Четвертого Судьи обещали подготовить к завтрашнему дню, но господин Нан не был уверен, что он успеет их изучить.

Ведь в Час Коровы ему предстояла аудиенция у господина Нарая, который был разгневан его докладом, – а со времени казни Руша в ойкумене арестовали более пяти тысяч человек.

* * *

Через час красильщик Дануш Моховик вышел из домика безутешной вдовы и заспешил вниз по улице. Под мышкой у него была квадратная корзинка для документов. Крышка кор-

зинки была расписана целующимися фазанами. «Ой-ля-ля! – думал плотник, – почему бы господину Андарзу и вправду не купить нам домик?»

Дануш свернул на Песчаную улицу и обомлел. Послеполуденная улица была пустынна; где-то бранились визгливые женские голоса, и из садовых печей доносились вкусные запахи. На пустой улице, у бровки колодца, сидел мальчик в синих атласных штанишках и шелковой курточке, глядел в колодец и плакал.

– Ты чего плачешь? – спросил косматый Дануш.

– Матушка моя, – сказал мальчик, – послала меня к знахарке и дала мне тридцать единорогов, я заблудился и хотел напиться, и вот – уронил кошелек в колодец.

Мальчишка, ясное дело, был из богатой семьи, – зашел не туда и не видал никогда колодцев в бедных кварталах.

«Достану-ка я этот кошелек, – подумал красильщик, – и отниму у него деньги».

Дануш Моховик снял штаны и куртку, положил на них корзинку с документами и полез в колодец. Он шарил в колодце довольно долго и наконец закричал:

– Не нахожу я твоего кошелька!

Ни звука в ответ.

Дануш Моховик повозился еще немного и вылез из колодца.

Мальчишки нигде не было. Штанов, куртки и корзинки с документами тоже нигде не было!

* * *

В дневной час Коровы судья Радани из Четвертой управы, известный ворами и лавочникам просто как Четвертый Судья, и его помощник Нан, явились к воротам Небесного Дворца. Там они покинули повозку и пошли пешком, как и полагается всем чиновникам, не имеющим высшего ранга. Идти было далеко, и Четвертый Судья, человек пожилой и шарообразный, весь вспотел.

Господин Нарай совещался в своем дворцовом кабинете с новым начальником Ведомства Справедливости и Спокойствия и новым префектом Столицы. Оба чиновника заняли свои должности меньше месяца назад. Оба они были обязаны должностью господину Нараяю.

Господин Нарай сам имел возможность занять любую из этих должностей, или даже выше, и получить в свое распоряжение огромную управу и огромный дворец префекта, но он предпочитал занимать скромный павильон во дворце.

Жил он тут же, в двухкомнатном белом домике, причитавшемся ему как дворцовому чиновнику; впрочем, говорили, что он проводит в своем кабинете дни и ночи и спит не больше трех часов в день.

Господин Нарай был сухопарый чиновник в платье синего цвета, расшитом павлинами и павами, с желтоватыми глазами и редким седым волосом, и было видно, что Бог меньше старался над его лицом, чем портной – над его платьем.

Подчиненным своим Нарай внушал трепет. Однажды мелкий чиновник заснул над указом. Чиновник проснулся, когда Нарай потряс его за плечо, и тут же умер от ужаса. Господин Шия, любимый помощник Нарая, угодил ему тем, что однажды Нарай отдал ему документ и забыл, а через три месяца вспомнил, – и тут же Шия вынул документ из папки.

Господин Нарай был так бережлив, что единственной серьезной статьей расходов в его домике были розги для провинившихся. Он держал перед кабинетом священных кур и всегда говорил: «Чиновник должен печься о бедняках, как курица о цыплятах».

Все мысли господина Нарая были направлены на благо государства и на искоренение зла. Господин Нарай говорил, что чиновники – это как кулак, полный мух: только разожми кулак – улетят; и ему не нравилось, что люди все разные, как носки на неряхе.

За последние два месяца Нарай поднимался во мнении государя все выше и выше, и дело дошло уже до того, что инспекторы, посланные по провинциям, возвращались в столицу с поддельными документами и в чужом платье, из боязни выставленных Нараем застав, на которых отнимали подарки.

Узнав о приходе чиновников из Четвертой Управы, Нарай велел их ввести. Нан и старый судья совершили перед любимцем государя восьмичленный поклон. Нарай посмотрел на молодого помощника судьи своими желтыми глазами и спросил:

- Вам известно, зачем я вас позвал, господин Нан?
- Отчет, который я составил, был полон ошибок.
- Каких? – спросил Нарай.
- Я не вижу в нем ошибок. Если бы я их видел, я бы их не сделал.

Префект столицы и начальник «парчовых курток» всплеснули рукавами от такой наглости. Нарай пристально смотрел на молодого чиновника, почтительно склонившегося в поклоне.

– С некоторых пор, – сказал Нарай, – судья Четвертого Округа стал предлагать мне отчеты, отличающиеся глубиной мысли и верностью суждений, и упорно выдавал их за свои, хотя я его два раза поймал на том, что он даже не помнит примеров мудрости, упомянутых в отчетах. Тогда я перестал хвалить отчеты и жестоко разругал последний за допущенные ошибки, – он отперся от авторства и назвал ваше имя.

Нарай поднялся из-за стола. Префект столицы и министр полиции затаили дыхание, а стоявшие вокруг секретари – те и вовсе обмерли.

- Вы не сделали никаких ошибок, господин Нан.

Любимец государя внезапно повернулся и, взвизгнув, ткнул в судью Радани пальцем:

– А вы? Могу ли я поверить, что судья, который присваивает себе отчеты подчиненных, удержится от того, чтобы не присвоить добро подсудимых?

Четвертый Судья повалился в ноги высокому сановнику. Префект столицы и министр полиции одобрительно кивали головами.

Старик оборотился к статуе Бужвы, высоко поднял руки и воскликнул:

– О Бужва! Кому справедливей быть судьей Четвертого Округа, – тому, кто распоряжается делами на словах, или тому, кто распоряжается на деле?

Все окружающие стали кивать в том смысле, что тому, кто на деле, конечно, справедливей.

Господин Нарай приказал принести Черепаховый реестр, вычеркнул имя господина Радани из листа назначений начальников столицы и вписал туда имя господина Нана, и ударил в медную тарелочку.

- Следующий!

За дверьми кабинета для меньших аудиенций, белыми с зеленым дверьми, изукрашенными вставшими на хвосты змеями, господин Радани сел кочаном на мраморный пол и принялся плакать.

Господин Нан отошел к балюстраде и стал, не отрываясь, смотреть на маленький сад под ногами, где в розовом озерце плавало коротконогое заходящее солнце. Он прижался щекой к колонне и почувствовал что весь, с головы до ног, в липком и холодном поту. Вокруг него уже теснились с поздравлениями. «Великий Вей, – думал Нан, что же теперь?..»

Он никогда бы не решился явиться утром к Андарзу, если бы вечером ему не предстоял разнос у Нарая. А теперь что? Если теперь унести ноги от Андарза, мечтатель и поэт оскорбится до невозможности и, разумеется, выпросит у императора голову Нана или хоть клочок волос с головы, – большого указа ему уже не выпросить, а такую мелочь как раз уважат, в виде утешения... Если отвернуться от Нарая, тот не простит, что человек, которого он из таракана

сделал судьей над четвертью столицы, от него отвернулся. Отпасть от обоих нельзя, состоять в партии обоих – это даже не сидеть на двух стульях, это висеть на двух крюках...

Но все-таки Нан был польщен, безмерно польщен: мыслимо ли это – прочесть доклад и назначить человека на должность на основании, так сказать, «черных строк и белой бумаги», без просьбы семьи, без компрометирующей бумаги в сейфе? Только господин Нарай из нынешних чиновников ойкумены способен на это.

И тут что-то кольнуло Нана: он подумал, что Андарз никогда не станет читать отчет, и чем усердней будет отчет, тем больше Андарз будет над отчетом смеяться... «А Радани-то, Радани, – вдруг промелькнуло в мозгу, – неудобно, вон как рыдает... Хоть бы кто подушку подложил».

И, верно, не одному Нану пришла в голову эта мысль: кто-то уже спешил из верхних покоев с подушечкой, вышитой мелкими гусями, кто-то уже приподнимал бывшего судью.

Когда, спустя несколько дней, старого судью арестовали, все сошлись на том, что господин Нан повел себя необыкновенно благородно: предоставил жене судьи казенный дом при управе, сам ютился в скромном жилище, а впоследствии отыскал для несчастной семьи беленый домик на окраине.

* * *

В тот самый час, когда справедливый чиновник Нарай разоблачил бесчестного судью, присваивавшего отчеты подчиненного, и когда бесчестный судья плакал на атласной подушечке, Шаваш явился в харчевню «Красная тыква», упомянутую косматым красильщиком как место его невестры с покойным. «Красная тыква» называлась так потому, что весь потолок в харчевне был застлан красным шелком, на котором имела красивая надпись: «Красное небо счастья». С потолка свисали цветочные шары. Из дверей, раздвинутых в сад, доносился запах цветов и журчанье фонтана. «Красная тыква» была заведением не из самых почетных, а так: для средних чиновников и для людей, подозреваемых в богатстве. Бывали там и знатные воры, и главари шаек, но не для кутежей, а для переговоров. В заведении было много денег и мало драк.

Из-за раннего еще часа харчевня была пуста. Хозяин сидел за столиком в углу и играл с приказчиком в резаный квадрат. Шаваш подошел к хозяину и сказал:

– Мой господин сегодня не сможет отужинать у вас. Он, однако, просил снарядить со мной корзинку – все, как позавчера.

И Шаваш раскрыл потную лапку с денежкой.

Хозяин взял денежку и снарядил корзинку. Он положил в корзинку холодную маринованную утку, отборных фруктов и зелени, костистую рыбу пузанку, сверкнувшую на солнце алмазным срезом, и наструганную завитками баранину, положил рыбу-тетушку и белобрисого осетра, и маринованную медузу, и множество всяких закусок в коробочках. А сверху всего этого он утвердил короб со сладостями, кувшин пальмового вина и кувшин того вина, которое делают из ананасов на юге: ананасы варят и процеживают, а потом добавляют немного мяты и мед, и сосновую смолу, и держат все это в бочке, пока вино не станет цвета темного янтаря.

– А что, – сказал Шаваш, – случилось после того, как мой господин ушел отсюда позавчера?

Хозяин, закусив губу, взглянул на мальчишку. Мальчишка был, конечно, «мизинчик» из шайки: воображает, что каждый знает его господина! Однако и спрашивать неудобно: он скажет главному вору, а тот обидится.

– А когда он ушел, – спросил хозяин, – до драки или после?

– В самом начале, – сказал Шаваш.

– Ну, – сказал хозяин, – ведь сначала все было довольно мирно. Красильщик подсел к нему и стал есть из второго прибора. Ахсай-то вел себя рассудительно, а красильщик полез ему в рожу и стал кричать о разводе. Чиновник все хотел от него отвязаться, но потом, когда красильщик бросил в него кувшин, схватился за лавку: тут мы их, конечно, разняли, и чиновник убежал. Так что напрасно ваш господин боится из-за этого приходить: ничего такого не было.

– Да, – сказал Шаваш, – но чиновника-то ночью убили.

Хозяин хлопнул себя по шее от ужаса.

Шаваш взял корзинку и пошел через сад к выходу. У выхода стоял человек в зеленой косынке привратника, по виду варвар с юга, и подстригал куст.

– Это здесь они дрались? – спросил Шаваш.

– Ага, – сказал привратник. – Вот, куст помяли. Что за времена! Сначала красильщик обедает с чиновником, а потом на него и лезет!

– А с чего это получается, что он обедал с чиновником?

– Ну как же. Чиновник заказал два прибора: сказал, что ждет друга. Потом пришел этот красильщик и сел за стол.

– Да, – сказал Шаваш, – одно огорчение. Кто, спрашивается, войдет в заведение, где начинается беда?

– Твоя правда, – сказал привратник. – Вот, прошло полчаса после драки, приходит старый клиент. Из такого, скажу тебе, дома...

Привратник развел руками.

– Огляделся, повертел носом, узнал про драку, – и сгинул. Ну ему-то что, а? Человек большого места... Я даже и хозяину не сказал, чтобы не прибил с досады.

Шаваш сообразил, что была ночь и что, кроме привратника, никто клиента не видел.

– А какого он места? – полюбопытствовал Шаваш.

– А тебе-то что? – насторожился привратник.

Шаваш вынул из кармана бронзовую монетку и показал привратнику.

Привратник сунул монетку за щеку и сказал:

– А ну катись отсюда, полицейская сводня!

В проеме двери появился хозяин и подозрительно посмотрел на оборвыша: он не любил, когда слуги якшаются с людьми из шайки.

– Ах ты дурак, – тихо сказал Шаваш. – Видать, этот ваш клиент приходил сегодня и побольше моего заплатил, чтобы ты не упоминал его имени, а?

Через минуту Шаваш был за воротами, на неширокой улице, заросшей увядшими сорняками. Стало быть, косматый красильщик, Дануш Моховик, врал. Он нашел Ахсая и учинил скандал. Из-за скандала Ахсай ушел, не дождавшись того человека, для которого и был заказан второй прибор. А через два часа Ахсай был убит. И лазоревое письмо, что бы это такое ни было, осталось у того человека, которого Ахсай не дождался.

Шаваш не прошел и двух шагов, как вдруг отскочил назад, за ребро стены, и озадаченно вгляделся в пробежавшую мимо него женскую фигурку. Женщина была одета в красную кофточку с вышитыми облаками и звездами и в малиновую запашную юбку с оборками, а поверх головы имела прозрачный, с кистями плащ. Эти плащи были в прошлом году великой роскошью, все дамы их носили. В этом году советник Нарай, порицая роскошь и понимая, что запретами с ней не совладать, постановил, что прозрачные плащи обязаны носить все девицы для катания верхом. После этого приличные девушки перестали носить прозрачные, с кистями плащи и стали носить пуховые платки, расшитые павлинами.

Женщина пересекла улицу и исчезла в калитке трехэтажного дома, с закрытой деревянной галереей поверх стены, стоявшего почти напротив «Красной Тыквы». Перед домом стояла цеховая эмблема: бутылочная тыква была высушена и рассечена пополам, и верхний конец

тыквы, напоминавший известное снаряжение мужчины, был воткнут в нижний конец тыквы, напоминавший известную дырку у женщины.

Шаваш подумал и постучался в дом с веселой тыквой.

– Я с корзинкой к госпоже, – сказал мальчишка отворившей ему старухе, сунул ей под глаза корзинку и нахально скользнул по лестнице наверх, туда, где щелкнула затворяющаяся дверь.

Шаваш пихнулся в дверь и вошел. Девушка, снимавшая плащ, обернулась и недовольно оскалилась, узнав мальчишку. Шаваш убедился, что не ошибся: это была та самая девушка, которая ходила с Андарзом в грот. По правде сказать, девушка была очень красива: у нее был тонкий стан и высокая грудь, и ее темно-русые волосы имели удивительный рыжеватый оттенок, выгодно подчеркивавший перламутровую белизну лица. Даже Шаваш, которому, по малолетству, хомячок был куда интересней девушки, понимал, что эта дама не в пример краше толстушки Таси.

– Тебе чего надо? – сказала красавица.

Шаваш переступил с ножки на ножку, как бы не в силах сдержать смущения, а потом вынул из рукава шесть серебряных журавлей и протянул их девушке:

– Вот... я... отдать... это мне господин Андарз тогда дал, в гроте...

Красавица потупилась и робко спросила:

– А я тут при чем?

Мальчонка совсем застеснялся:

– Ну, – сказал он, – я подумал: если чиновник уединился в собственном гроте с девушкой и у него при себе деньги, то зачем же он взял их в грот, как не затем, чтобы отдать девушке? И как только я это подумал, мне показалось, что я эти деньги украл.

Девушка недоверчиво взяла деньги и сказала:

– Спасибо.

Через полчаса девушка совсем развеселилась. Оказалось, что зовут ее Ная. Они вместе с Шавашем съели маринованную утку, и баранину, наструганную тонкими завитками, и белобочкого пузанка, и сладости, похищающие ум и развлекающие душу, и девушка одна выхлестала полкувшина пальмового вина. Девушка ерошила мальчишке волосы и подкладывала ему в рот кусочки. Шаваш стеснялся и трепетал.

– Осмелюсь спросить, – осведомился Шаваш, – как же господин Андарз отличил вас? Неужели он сам, как говорится, посещает общинные луга?

– Нет, – сказала Ная, – это получилось через его секретаря Иммани. Видишь ли, я родом из Иниссы, и у нас в городе такой обычай: когда приезжает важное лицо, цензор или инспектор, красивейшие из казенных девушек встречают его обнаженными у ворот города, представляют разные сценки и состязаются в красоте. Девушки прямо-таки дерутся за право участия в этих сценах, потому что потом им цена вдвое дороже, а наилучшей инспектор присуждает венок и две сотни монет. И вот я получила этот венок и сидела с инспектором Иммани на пиру, и я так ему понравилась после этого пира, что он велел мне ехать в столицу.

– Если ты ему так понравилась, – спросил Шаваш, – почему он послал тебя в столицу, а не взял с собой?

– У него, – сказала девушка, – было беспокойное поручение. Он ехал из столицы в Верхнюю Хабарту и вез брату господина Андарза деньги для варварского войска. Он боялся, что по пути его ограбят.

– И что же? Ограбили?

– Представь себе! – сказала девушка, – по пути туда все сошло спокойно, а на обратной дороге его ограбили! И не где-нибудь, а под самой столицей, в Козьем Лесу!

Вздыхнула и добавила:

– Лучше бы его ограбили на пути туда.

– Почему? – удивился Шаваш.

– Видишь ли, варварское войско получило деньги и тут же взбунтовалось. А если бы его ограбили на пути туда, варвары бы продолжали ждать причитающейся им платы и хранили бы верность империи!

Тут девица выпила еще вина, и глазки ее совсем разлетелись в разные стороны. Шаваш спросил:

– Осмелюсь полюбопытствовать: сам ли Иммани показал вас своему господину?

– Нет, – сказала девица, – это его товарищи: они частенько проводят здесь время, здесь и в «Красной тыкве» – это харчевня напротив.

– Неужели слуги господина Андарза, – удивился Шаваш, – настолько богаты, чтобы посещать подобное заведение?

Ибо заведение, как Шаваш мог заметить, было из числа самых дорогостоящих.

– Нет, – сказала девица, – но человек пять. Начальник охраны и домоправитель, еще Ласида, которого вот уже месяц нет в столице, да и сын господина Андарза, даром что юноша, трижды бывал здесь.

Шаваш вздохнул, поднял на девицу влажные глаза и пролепетал:

– А что за человек – секретарь Иммани? Похож он на Шан'гара или нет?

– Нет, – сказала девица, – они совсем разные люди. Иммани – тот тебя зарежет из-за гроша. А Шан'гар – нет, этот тебя за грош не зарежет, а зарежет только за золотой.

Спохватилась и поглядела на Шаваша:

– А ты зачем спрашиваешь?

– Помилуйте, сказал Шаваш, – ведь от этих людей теперь зависит мое «я» – вот и спрашиваю.

– А, – сказала девица, – Шан'гар смешной человек. Варвар. Держит в сундуке наследственную секиру и рубит ей кур.

– А зачем? – спросил Шаваш.

– А зачем рубят кур? – изумилась девица. – Чтобы делать золото. Он завел себе целую мастерскую, а потом Иммани донес на него, и выяснилось, что на всю эту алхимию Шан'гар потратил больше десяти тысяч, которые украл у хозяина. Андарз приказал ему выбросить все эти горшки.

– И что ж? Выбросил?

– Выбросил. И три дня плакал. А теперь он нашел в Белой Слободе какого-то чародея и ходит к нему.

Девица вдруг сняла с себя сережку.

– Видишь, сережка? Этот чародей сделал ему серебро, а Шан'гар подарил кусочек мне.

«Гм, – подумал Шаваш, – если Шан'гар умеет делать серебро и золото, вряд ли он станет красть у Андарза миллион ишевигов». А девица между тем продолжала:

– Эти опыты пока очень дорогие. Шан'гар мне однажды пожаловался, что покамест это серебро обошлось ему впятеро больше против рыночной цены.

* * *

Когда новый судья Четвертого Округа Нан вернулся в свою управу, чиновники уже теснились с поздравлениями; во дворе было не протолкнуться от челобитчиков.

Господин Нан собрал все прошения и занимался делами до Часа Башен; он рассудил сложный случай, когда муж, выгнав жену из дома, ложно обвинил ее в супружеской неверности, лишь бы не возвращать приданого; и он приказал пытать члена шайки, ограбившей склад цеха красильщиков, – а потом и взять под стражу начальника склада, ибо оказалось, что на складе было товаров куда больше, чем полагалось цеху по лиценции.

В Час Башен судебные управы кончают работу; в это время к новому судье прибыл свиток из дворца и с ним – небольшое личное письмо, написанное советником Нараем. Советник просил господина Нана быть у него завтра в Час Росы.

Новый судья совершил положенные возлияния, переоделся в неофициальное платье, предписанное чиновникам пятого ранга, и отправился в архив, где его уже дожидались заказанные им сведения о сыне Андарза, Астаке, и троих его секретарях.

Астаку было шестнадцать лет, и о нем имелась лишь одна запись: тот учился в лицее Белого Бужвы, но был исключен за то, что поймал и распял кошку. Кошка принадлежала учителю математики: Астак не согласился с ним во взглядах. Разумеется, сына императорского наставника никто бы не исключил за такие пустяки, но Андарз сам ужасно рассердился и настоял, чтобы все было по закону. Андарз сказал, что тот, кто повздорил с человеком, должен распять человека, а не его кошку.

Начальник охраны Шан'гар был варваром и в списках уроженцев ойкумены не значился. Отыскав в списках имя домоправителя Амадии, Нан, спустя несколько страниц, с изумлением убедился, что список подложный.

Зато дело секретаря Иммани насчитывало десять страниц.

Секретарь Иммани трудился в верхней Иниссе. Он подружился с некоторыми людьми, подозреваемыми в богатстве, и они устроились так: Иммани требовал с горожан налоги раньше срока, и те, чтобы уплатить налоги, продавали имущество за полцены. А друзья Иммани покупали имущество за полцены и платили ему десять процентов с каждой покупки. Также господин Иммани завел себе два размера для корзин: один, побольше, для измерения налога, собираемого с населения, а другой, поменьше, для измерения налога, отправляемого в столицу. Разницу между двумя корзинами Иммани продавал через осуйских купцов.

Во время голода, присваивая казенное зерно, ссужал его крестьянам под десятикратные проценты; пользуясь наличием в уезде какой-то безвредной секты, выдумал бунт и умиротворил уезд до полного запустения; выстроив на морском берегу виллу с башней, зажигал в башне ложный маяк и грабил разбившиеся корабли, а капитанов их ссылал в каменоломни за управление казенным кораблем в пьяном виде; и он попался на том, что ради любовницы проел имущество отлучившегося друга, а потом оклеветал его.

Изо всего этого даже не очень прозорливый человек мог заключить, что Иммани был дрянь, каких мало, и совесть у него была меньше мышьиного хвостика. Нан подумал, что на месте Андарза он не стал бы держать при себе такого человека. Безопаснее было бы поступить с ним так, как сын Андарза поступил с кошкой своего наставника.

Да, что касается матери Астака, – Андарз утопил женщину шесть лет назад, застав на ней какого-то свечного чиновника. Чиновнику же лично отрезал его кукурузину, отчего тот через неделю помер.

* * *

Вечером Шаваш, словно лисенок, скользнул в ворота усадьбы господина Андарза. Он хотел пробраться в людскую, но на садовой дорожке, рядом с беседкой, похожей на розовый бутон, его застукал секретарь Иммани.

– Негодяй! – сказал секретарь, взяв Шаваша за ухо. – Ты куда сбежал?

Шаваш пискнул.

Занавеси беседки раздвинулась, из нее показалась всклокоченная черная голова домоправителя Амадии.

– Это что там такое? – раздался из глубины беседки голос императорского наставника.

– Да ничего. Это два раба дерутся, – громко ответил домоправитель.

Секретарь страшно побелел и выпустил ухо Шаваша. Вдруг он сжал виски руками и бросился вниз, по садовой дорожке.

Домоправитель, прикрывая окошко, сказал:

– Нельзя держать рабов просто для роскоши! Надобно извлекать из них выгоду. А то вот, этот мальчишка: кто может поручиться, что он сегодня не воровал на рынке?

Шаваш дождался, пока домоправитель вышел из беседки, и нахально скользнул внутрь.

Беседка, в которой сидел императорский наставник, изнутри напоминала тысячелепестковый цветок. Стены ее были затянуты шелковыми гобеленами с изображениями зверей и трав; с балок драгоценного дерева свисали цветочные шары, и дымки от курильниц, расставленных по всем пяти углам беседки, вились в воздухе, как призрачные танцовщицы. Императорский наставник сидел в высоком кресле за столом из малахита и оникса; по столу в поэтическом беспорядке были разбросаны бумаги и свитки, и когда Шаваш вошел, императорский наставник как раз оторвался от очередного листа, зачеркнул написанное, записал что-то снова, а потом в раздражении скомкал лист и бросил его в жаровню.

– Ах ты дрянь, – сказал Андарз, поворачиваясь к мальчишке, – ты куда сбежал от господина Иммани? Тот совсем заблудился, вымок в канаве!

– Я никуда не сбежал, – сказал Шаваш, – я остался.

– Пожалуй, – проговорил Андарз, – я все-таки pošлю тебя в мастерскую. Как можно: сбежать от чиновника, посланного утешить убитую горем вдову!

– Не очень-то она убита горем, – возразил Шаваш.

Андарз только молча всплеснул рукавами от такой наглости.

– У господина Ахсая, – сказал Шаваш, – была лавка в столице, в Осуе и в Хабарте. Он боялся завести себе приказчика, из скупости и из опасения, что тот донесет на него властям. Поэтому он купил себе трех жен, по одной в каждую лавку. Ведь жена не имеет права давать показаний против мужа. Сначала все шло хорошо, но потом жена из столицы спуталась с красильщиком по имени Дануш, а по прозвищу Моховик. Она влюбилась в него и стала требовать развода, а Ахсай не давал ей развода, потому что она вела все дела в его отсутствие и слишком много знала. Позавчера Дануш Моховик услышал, что Ахсай вернулся и ночует в веселом месте. Он пошел в это веселое место поговорить с Ахсаем. Сказал: «Если он не даст тебе развода, я его убью». Но сегодня, когда они ругались с женщиной, он сказал, что не видел Ахсая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.